



Илья Новак  
Лев Жаков

# БЕШЕНСТВО НЕБЕС



ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Лев Жаков**  
**Илья Новак**  
**Бешенство небес**  
Серия «Похитители Миров», книга 2

*Текст предоставлен издательством*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=163358](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163358)*  
*Бешенство небес: Эксмо; Москва; 2007*  
*ISBN 978-5-699-23764-7*

**Аннотация**

Из конца в конец облачного мира бросает судьба Гану Дарейна. Он был пиратом и много лет избегал встреч с военным флотом врагов, он похитил принцессу, убил королеву – и смог уйти от преследования. Работоторговцы схватили его и отправили на страшный прииск посреди Проклятого острова, что расположен на самом краю Аквалона, – но он сбежал и оттуда, сумев узнать, что же на самом деле представляет собою мир, в котором живет, какая тайна скрыта в его глубинах.

И теперь бывший ловец живого жемчуга, пират и раб, отправляется к развалинам древнего святилища, чтобы добыть сокровища исчезнувшей церкви. Гана еще не знает, что Аквалону угрожает небесное оружие, одним выстрелом способное разрушить половину мира, не знает о приближении варваров из внешнего пространства. Ему еще только предстоит стать

хозяином эфирного демона, вновь встретиться с принцессой Гельтой и вступить в бой с чудовищным созданием, поднявшимся из мировых глубин...

# Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	51
Глава 4	67
Глава 5	90
Глава 6	109
Конец ознакомительного фрагмента.	123

# **Илья Новак, Лев Жданов**

## **Бешенство небес**

### **ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**

#### **На тропе войны**

#### **Глава 1**

«Небесные паруса» плыли на восток через облачный океан.

Гана Тулага Дарейн, бывший ловец живого жемчуга, пират и раб, стоял на носу ладьи. Казалось, все хорошо. Ветер раздувал паруса, острова архипелага Суладар давно исчезли за кормой. С начала путешествия ни один корабль не появился на горизонте: ни военный флот Купеческих Плотов, ни пиратские эфиروпланы или облачные колеса дикарей, — никто, способный помешать экспедиции.

Его спутники, то есть команда ладьи и личный охранник туземного монарха Уги-Уги, кривобокий Камека из племени онолонки, занимались своими делами. Гана окинул взглядом палубу. Изящная быстроходная ладья была невелика, чтобы справиться с нею, хватало семи матросов, боцмана и капи-

тана, кривоногого метиса, которого звали Тук-Манук. Трое моряков драили доски при помощи насаженных на палки пушистых облачных губок; четвертый стоял возле штурвала, остальных видно не было. Впервые попав на ладью, Тулага был удивлен: несмотря на то, что большинство туземцев архипелага Суладар отличались статью и привлекательной, на взгляд белого человека, внешностью, половину команды «Небесных парусов» составляли страшилища. Впрочем, позже он понял, что это – следствие вздорного характера толстяка Уги-Уги, который, будучи почти что уродливым, не любил окружать себя красивыми людьми... за исключением, конечно, своих наложниц.

Тулага ощущал непривычную расслабленность и в то же время легкий страх. С одной стороны, расстояние между ним и полным ядовитого света провалом в центре Проклятого острова увеличивалось, что было хорошо. С другой – они приближались к безымянным островкам, где, по словам странного человечка Фавн Сива, были спрятаны сокровища давно исчезнувшей церкви Congressionis. И как только драгоценности попадут в руки Камеки, тот постарается убить Гану. Сумрачный взгляд, который онолонки иногда бросал на единственного пассажира ладьи, был красноречив. Скорее всего, они доберутся до места уже завтра – значит, пора приниматься за дело.

Впрочем, Гана начал действовать еще утром.

Вечерело, светило в небе медленно гасло, и на раскаленно

желтой поверхности его проступали тонкие огненные линии. Тулага оперся локтем о борт, искоса поглядывая в сторону кормы. Капитана, боцмана Оракина и Камеки видно не было, скорее всего, они с удобством устроились в роскошной каюте отсутствующего монарха, чтобы сыграть в кости за бутылкой вина. А вот Укуй, лопоухий хромой матрос, сидел на корточках возле мачты и не слишком успешно делал вид, что вовсе не интересуется пассажиром. Гана уже давно понял, что матрос приставлен следить за ним во время плавания.

Он не спеша пошел вдоль борта, скользя взглядом по облакам. Недавно ладья попала в шторм, что вызвало удивление у всех, кроме Ганы. Сильные волнения крайне редко случались в юго-западной части Аквалона; область Кораллового океана между Южным Завихрением и Суладаром называлась Сном – из-за мягкого климата и отсутствия бурь. Но в этот раз облачные валы чуть не перевернули корабль, и лишь Тулага догадывался о причине. Аквалон подлетал к миру, разбившемуся о поверхность Сферы Канона, – близость его колоссальной разлагающейся туши и приводила к возмущениям в облачном покрове.

Он миновал матросов, добравшись до шканцев, встал возле расположенной у борта легкой приземистой пушечки. Рядом была горка ядер, пыжевник и короткая тяжелая палка. Тулага уставился на ядра. По лицу его расплзлось изумление, он даже присвистнул, наклонился, приоткрыв рот, затем сел на корточки и протянул руку. Некоторое время ничего

не происходило. Покрутив головой, будто человек, который никак не может справиться с растерянностью, Тулага провел пальцами по шершавой поверхности ядра, и тогда сбоку раздался шаг.

Туземцы любопытны как дети – Гана знал это.

– Смотри, – негромко сказал он Укую. – Никогда такого не видел... как вы ими стрелять собираетесь, если что?

Островитянин подошел, опасливо поглядывая то на пассажира, то на ядра; не замечая в них ничего необычного, присел. Рука Ганы взлетела, конец палки со стуком ударил туземца по затылку, и Укуй, не издав ни звука, повалился на палубу. Бросив дубинку, которую заранее положил возле пушки, Тулага выпрямился. С этого места он видел согбенные спины трех матросов со швабрами, но больше никого. Он перевалился через борт, схватившись за веревку, быстро полез вниз. Гана подвесил ее рано утром, пока Укуй разговаривал с капитаном, хотя сделать все, что задумывал, тогда не успел.

Некоторое время на шканцах было пусто; затем над бортом показалась голова с темными волосами, заплетенными в короткую косу. Оглядевшись, пассажир «Небесных парусов» перелез обратно. Туземец под пушкой оставался неподвижен.

На шее Тулаги висел кожаный ремешок с ножнами, из которых торчала черная каменная рукоять. Он достал нож – лезвие с легким зеленоватым отливом было стеклянным, –

полоснул по узлу и отправил веревку в облака.

Укуй пошевелился, застонал. Тулага вернулся к носу, встал там, сложив руки на груди. Облачный океан длился до горизонта – никаких признаков земли. «Небесные паруса» плыли от Суладара на восток по длинной пологой дуге, на пути их располагались две группы островов: безымянные, где, по словам Фавн Сива, были спрятаны сокровища, и Кораллы – там когда-то, еще будучи пиратом, жил Тулага.

Услышав шум, он повернулся. Укуй, держась за голову и хромя больше обычного, прошел мимо мачты, выпученными полубезумными глазами глянул на Тулагу, попятился и исчез в люке. Вскоре раздались голоса; на палубу один за другим выбрались капитан Тук-Манук, боцман Оракин, Камека и Укуй. Последний что-то говорил, показывая в сторону носа.

Четверо остановились в нескольких шагах от пассажира, причем Укуй старался держаться позади других. Из-за матерчатого пояса боцмана торчал широкий тесак; нагую темно-синюю грудь Камеки перехлестывал ремень – Тулага знал, что за спиной онолонки прячутся два пуу, небольших топорика, лезвия которых, сделанные из плавника старой акулы-серлепки, легко перерубают человеческую руку.

– Ты это что делаешь? – спросил Тук-Манук слегка растерянно, но с угрозой в голосе. – Зачем ударил его?

– Он мне надоел, – пояснил Гана. – Бродил за мной везде, в затылок дышал...

– Ну так что? Ты на корабле, а не на острове. Здесь места мало, все друг другу в затылок дышат!

Он молчал, глядя на них, а они смотрели на пассажира ладьи.

– Долго еще плыть? – спросил наконец Оракин. – Курсы то правильный вообще?

– Правильный, – откликнулся Гана и пошел вперед, прямо на стоящих перед ним. – Я давно через Сон плавал, плохо помню. Но завтра должны добраться до места.

Он не сбавлял шагу, и в конце концов капитан с боцманом машинально отступили в стороны, пропуская его. Укуй попытался к борту, с опаской косясь на пассажира. Лишь Камека не сдвинулся с места: стоял, медленно поворачивая голову, провожая Тулагу взглядом, полным подозрительности и злобы. Онолонки был крайне молчаливым человеком, сколько Гана помнил, он с самого начала путешествия не произнес ни слова, во всяком случае, в присутствии своей будущей жертвы.

\* \* \*

Арлея с опаской провела пальцами по влажной поверхности листа и машинально вытерла ладонь о бедро. Листья напоминали мясистые блины, их зелено-розовую мякоть, сквозь которую просвечивали лучи светила, пронзали багровые жилки.

– Они другие теперь, да? Видите? Вроде... вроде вены там внутри.

Было полутемно и сыро, в переплетении ветвей виднелись совсем маленькие участки неба. Коренастый боцман Лиг, держась за дерево, будто капитан возле мачты корабля, глядел вдаль. У этого человека была привычка бубнить, бурчать что-то недовольным голосом. Хотя брюзгой он не был – просто такая манера говорить. Арлея перевела взгляд на второго спутника. Эрланга, здоровяк-юнга, стоящий с серебристым стволом пушечки-горлянки на плече, отличался молчаливостью... в основном потому, что, как понимала девушка, обычно просто не знал, о чем говорить. Он был младше хозяйки на несколько лет и на две головы выше. В самом начале путешествия юнга снял рубаху и соорудил из нее нечто вроде туахи на голову, но теперь вновь надел. Идти приходилось под пологом ветвей, так что лучи не пекли затылок, но зато ветки и мелкие сучки царапали кожу.

Мужчины были увешаны пистолетами и ножами, а у Лига имелись еще сабля и два ружья за спиной. У самой Арлеи был «пояс крутого путешественника», как называл его Тео Смолик. Широкий, почти как корсет, со множеством крючков, петель, ремешков, карманов, он нес на себе три пистолета, короткий обрез, три мешочка: с дробью, пулями и горючим песком, – а также флягу и пару ножей. На спине болталась котомка.

– Ладно, идем дальше, – решила Арлея.

Юнга шагал впереди, прорубая в зарослях просеку, потом шла она, замыкал боцман. Таких деревьев, как здесь, мощных, но кривых, с изогнутыми узловатыми стволами, по которым удобно лазать, на островах Суладара девушка не видела. Свисающие с ветвей толстые лианы напоминали мохнатых мертвых змей.

– Намного они нас опередили, Лиг?

Как выяснилось, боцман был неплохим следопытом. Эрланга топал напролом, круша ветви, но Лиг подмечал сломанные сучки, примятую траву, клочок ткани на коре или упавшее на землю крупное перо – следы тех, кто недавно прошел здесь.

– Кажись не, ваш'милость, – пробурчал он, перекладывая из руки в руку длинную прямую палку, которую использовал вместо посоха и дубинки.

Они уходили все дальше в глубь Проклятого острова, туда, где никогда не ступала нога обычного человека, лишь серапцев – *укушенных*. Полдневный зной окутывал лес, и тот будто потел: все вокруг покрывали густые крупные капли. Чем глубже путешественники забирались в Гвалту, тем чаще попадались необычные растения, с желтой корой и розоватыми мясистыми листьями. Они оплетали знакомые деревья, образуя вокруг стволов нечто вроде решетчатых труб. Позже Арлея с удивлением заметила, что они начали срастаться, зеленая и розовая листва появилась на одних и тех же ветках, и в конце концов джунгли стали желтыми –

не ярко-желтыми, как те, первые ветви и тонкие стволы, что обвили деревья Аквалона, но бледными, рыжеватыми, будто они вобрали в себя свойства как местных, так и чужих растений.

Девушка уже решила, что пора устроить привал, когда впереди показалось болото.

– Ух! – только и вымолвил Эрланга, раздвинув лианы.

Взгляду открылось пространство шириною в три десятка шагов. Слева и справа топь полого загибалась, исчезая в зарослях, а впереди, до кромки джунглей, тянулись кочки, бочажки и лужи, залепленные белесой массой полипов-этике-ней.

– Облачное болото, – растерянно пробормотал Лиг. – Я и не знал, что такие есть...

– Я тоже, – откликнулась девушка.

Оно и вправду казалось необычным – смесь эфирного пуха и воды. Арлея присела, набрала в ладонь жижу. Та была теплая и будто шершавая на ощупь.

– Осторожнее теперь надо, ваша милость, – сказал Эрланга.

Впереди протянулись какие-то ползучие растения, они то исчезали в грязи, то показывались из нее, чтобы вновь скрыться в густой зелено-бело-коричневой каше. Их украшали короткие веточки-спиральки, на каждой росло по одному мясистому листу, напоминающему свернутые лодочкой ладони. Юнга уселся, раздвинув ноги, положил пушку и

достал из-за плеча котомку. Порывшись в ней, извлек кусок хлеба и тряпицу, в которую было завернуто вяленое мясо, развернув, принялся есть, громко чавкая.

– Ам-м! – вдруг промычал он с набитым ртом, и спутники повернулись к нему.

Продолжая жевать, Эрланга выпученными глазами пялился на вылетевшее со стороны болота существо: напоминающую ужа змейку с двумя парами тонких и прозрачных стрекозиных крылышек. Едва слышно жужжа, она повисла перед лицом юнга; тот медленно поднял руку, растопырив пальцы, будто собираясь сграбастать ее пятерней.

– Не трогай! – тихо приказала Арлея. – Может, оно ядовитое.

Существо поднялось немного выше и разинуло крошечную пасть, из которой показалось множество тонких, раздвоенных на конце язычков. Не менее дюжины их извивались, будто щупальца, то втягиваясь, то выскакивая наружу.

Змейка подлетела к носу Эрланги – зрачки юнга сползли к переносице, по низкому лбу потекла капля пота. Арлея видела, что он едва сдерживается, чтобы не вскочить и не схватить существо, раздавить его или швырнуть на землю и растоптать. Но тут в руках Лига свистнула палка, конец ее пронесся перед самым лицом юнца, и крылатая змея, отброшенная сильным ударом, исчезла в зарослях.

Фразу, которую после этого произнес юнга, Арлея не смогла разобрать, настолько она была замысловатой. Схва-

тив пушку, Эрланга буквально вырвал из лежащего рядом мешка каменное ядрышко и сунул руку в карман за огнивом.

– Ты из пушки по ней собираешься шмалять? – проворчал Лиг, вновь опираясь на свою палку. – Не шуми, малец. Успокойся.

Малец, который был на полторы головы выше его и на локоть шире в плечах, шумно выдохнул и положил оружие в траву.

– Заряжу ее на всяк случа€й, – произнес он, вкладывая камень в ствол. – Чтоб с ходу можно было, ежели што...

– Выкатится, – возразила Арлея. – Выпадет наружу.

– Не-е, я уже смотрел, руку просовывал, там такой... такая смола навроде внутри возле казенника, липкое че-то, вымазано – штоб оно там держалось, значит. Круглое ядро не удержит, а камень, он же с углами всякими и шершавый, так застрянет... – Эрланга еще что-то бубнил, но Арлея не слушала. Она вопросительно смотрела на боцмана.

Покосившись на хозяйку, Лиг вздохнул. Пожал плечами, бросил котомку к ногам юнца, обеими руками взял палку за конец и ткнул перед собой. Шагнул на островок зелени, торчащий посреди облачно-грязевой лужи, постоял там, собираясь с духом, затем стал медленно перемещаться, иногда опуская ногу в грязь, но чаще находя кочку или поросший травой земляной бугор.

Зарядив пушку, юнга вновь принялся есть. Арлея стояла рядом, наблюдая за неторопливыми движениями Лига. Бли-

же к берегу черно-коричневого и зеленого было больше, а на середине болота раскинулась обширная лужа – сплошь грязно-белый, с разводами зеленого, цвет. Лиг довольно быстро отыскал обходной путь, то и дело тыча перед собой палкой, миновал лужу и остановился в нескольких шагах от стены деревьев, высящейся по другую сторону. Обернувшись, он позвал:

– Давайте, ваш'милость! Не страшное оно.

– Эрл, хватит жрать, – сказала Арлея. – Пошли.

Юнга кивнул, быстрее запихивая в рот остатки хлеба, забросил котомку на спину, взял пушечку и выпрямился.

– Но ты все равно за мной иди, след в след, – решила девушка. – Тяжелый ты слишком, а я буду внимательно глядеть, куда ступа...

– Чего, за бабой топать?! – перебил Эрланга возмущенно, но тут же, смешавшись под суровым взглядом хозяйки, потупился и переступил с ноги на ногу. – Звиняюсь, ваша милость... Не, я грю: давайте я впереди, оно мне несподручно, чтоб передо мной... И с пушки я... как же я с нею пальну, ежели чего, когда перед мордой прямо маячит ктось...

Не слушая, девушка шагнула на ближайшую кочку, ощущая, как мягкая земля прогибается, готовая в любое мгновение провалиться внутрь себя, засосав ступню, а то и ногу до колена, – и быстрее перескочила дальше, потом еще дальше, глядя то перед собой, то под ноги.

Необычные корни. Хотя разве могут на корнях расти ли-

стья? Значит – это ветви такие? Арлея заметила, что они тянутся от облачно-грязевой лужи, образуя как бы лучи звезды, – должно быть, растут откуда-то со дна. Морщинистые гибкие стволы, украшенные листьями-лодочками, иногда лежали на поверхности, иногда исчезали в болоте.

Услыхав за спиной сопение и хлюпанье, девушка оглянулась. Эрланга, крепко сжав пушечку под мышкой и далеко отставив свободную руку, перемахивал с кочки на кочку, разбрызгивая грязь. Поймав взгляд хозяйки, он смущенно заулыбался, показывая крупные белые зубы. Обе котомки, и его и боцмана, висели за широкой спиной. Арлея кивнула и пошла дальше, к Лигу, – тот добрался до большой кочки, скорее даже островка в пару шагов, и присел, ухватившись за росший из центра куст. Он с меланхоличным видом жевал табак.

Вокруг кочек лениво закручивались зелено-белые полосы. Пробираясь мимо лужи, Арлея заглянула в нее: нет, слишком густая, не видно, что под поверхностью. Может там кто-то жить? Да и какая, собственно, здесь глубина?

– Молодец, – сказала она, останавливаясь рядом с Лигом. – За тобой не так страшно идти было.

Боцман открыл было рот, чтобы ответить, но тут из джунглей донесся шум, и он вскочил, оглядываясь, схватился за рукоять пистолета.

– Чего у вас? Чего это шуршит тамось? – крикнул Эрланга, как раз огибающий лужу.

– Спокойно! – громко ответила девушка. – Не топай ты! Медленно иди, а то провалишься!

Она уставилась на деревья. Шелест и треск звучали ритмично, то чуть стихая, то становясь громче, – и приближались.

– По веткам кто-то скачет? – предположил Лиг. – А, ва-ш'милость?

– Может, и так, – согласилась Арлея, на всякий случай потянув из кобуры пистолет.

Что-то мелькнуло на самой границе джунглей: существо размером с трехлетнего ребенка, двигавшееся вдоль болота, на мгновение показалось среди ветвей. Затем другое, третье... судя по всему, небольшая стая, но что это за звери, отсюда разглядеть было невозможно.

Крякнув, Лиг прицелился, однако стрелять не стал. Арлея присела, упершись ладонью в землю, вернее, в протянувшуюся по островку лиану, и подняла пистолет.

Лиана под рукой дернулась. Вскрикнув, девушка упала на бок и случайно нажала курок – пистолет гроыхнул, выплюнув красно-коричневый язык дрови и огня.

Боцман начал поворачиваться, сзади что-то кричал Эрланга. Арлея в ответ орала не своим голосом, потому что, когда она упала, лицо оказалось возле лианы, и девушка увидела, как листья на ветке развернулись. В центре каждого был глаз – бледно-зеленый, водянистый, без зрачка. Лиана взметнулась, выдернув из болота свой конец, и только что

смолкнувшая Арлея взвизгнула. Теперь двигались все растения вокруг – извивались, дергались, ползли... В центре лужи вспух пузырь, стал шаром, оторвался от поверхности и взлетел, поддерживаемый со всех сторон выгнувшимися лианами. Арлея, которую боцман ухватил за плечи и тащил, волоча спиной по грязи, поняла, что это башка, заросшая не то волосами, не то водорослями. Безглазая, зато с кривым черным ртом – словно широкая трещина в трухлявом пенке, – она выросла над болотом, мотаясь из стороны в сторону. Подталкиваемая щупальцами, рванулась вперед, распахнувшись при этом, будто расколовшись пополам, показав глубокую пасть.

Арлея еще заметила, как Эрланга скачет между щупальцами, вопя что-то нечленораздельное, а потом Лиг, потеряв равновесие, повалился навзничь. Башка пронеслась высоко над островком – щупальца под нею выпрямились, будто связка шестов, выпихнули ее наверх. Вломившись в джунгли, она схватила одного из скачущих по ветвям существ и рванулась обратно. Фонтан грязного пуха ударил из лужи, когда страшило рухнуло в нее вместе с добычей.

На краю болота, под самыми деревьями, тянулась полоса воды в пару шагов шириной. Арлея, спихнув с себя боцмана, вскочила и прыгнула – но лужи не заметила и опустилась посреди нее. Жидкая грязь плеснула в лицо, девушка погрузилась по пояс, закричала – пронзительно, мерзко, так что, невзирая на испуг, испытала внезапный приступ стыда,

настолько женским, призывно-испуганным был этот крик, – ощутив, как мягкое жирное дно под ногами расходится, всасывая ступни, как внизу что-то шевелится, будто большие змеи извиваются там...

Эрланга перемахнул через полосу, не опуская горлянку, повернулся, ухватил Арлею под мышки, рывком потянул. Болото чавкнуло, хлюпнуло, извергнуло вялую грязную волну – и отпустило девушку.

Застонав, она лбом прижалась к груди Эрланги. Впрочем, уже через мгновение Арлея опомнилась и оттолкнула его от себя... хотя скорее оттолкнула себя от юнца, потому что сдвинуть с места такого дылду ей было не под силу.

Лиг встал рядом. Они огляделись; на болоте все было тихо и спокойно, будто никакое чудище с глазастыми щупальцами не обитало там.

– Навроде осьминога оно, – пробурчал боцман. – Только не...

– А там обратно шумит чегось, – перебил юнга.

У Арлеи еще дрожали руки и ноги слегка подгибались. Поворачиваясь, чтобы посмотреть, куда указывал Эрланга, девушка качнулась и неловко ухватила его за локоть.

– Угу... – протянул Лиг, задумчиво разглядывая джунгли. – Шумит, слышу. А ведь туда нам и надо идти, а, ваш'милость?

## Глава 2

– Так это же святилище Живой Мечты!

В подзорную трубу капитан Тук-Манук с удивлением рассматривал строение из белого гранита, высящееся между двумя рифами. Плоская крыша и могучие извилистые колонны, основаниями погруженные в облака, – все было очень светлым и даже в слабых лучах слепило глаза. Святилище, давным-давно заброшенное, сохранилось неплохо, хотя камень пересекали многочисленные трещины. Постройка напоминала очень широкий плоский мост, соединяющий рифы: поверхностью его являлась крыша святилища, под которой было что-то вроде пролетов и колонн-опор, как и положено мосту. В глубине за колоннами виднелись стены и окна, ну а фундамент у здания отсутствовал – нижняя часть была погружена в облака.

Опустив трубу, капитан повернулся к пассажиру:

– Мы плыли сюда?

Стоящий рядом Камека глядел на Тулагу, склонив голову к узкому, приподнятому левому плечу.

– Твои сокровища спрятаны в святилище? – продолжал допытываться Тук-Манук.

– Да.

– Где? – спросил онолонки.

При Гане он впервые раскрыл рот. Голос оказался тихим и

вкрадчивым – таким могла бы говорить небольшая ядовитая змея.

Тулага посмотрел на кривобокого туземца.

– Зачем тебе? Ты будешь их доставать?

Камека, подумав, ответил:

– Нет. Ты будешь.

Все трое вновь поглядели вперед. Светило только разгоралось в лазурном небе, облачные перекааты колыхались за бортом, с севера дул прохладный ветерок. Вскоре «Небесные паруса» должны были войти в пространство между рифами.

– Но поплывешь не один, – добавил Камека и похромал прочь.

Гана не стал оборачиваться, когда услышал, как за спиной коротышка-онолонки негромко разговаривает с матросами. К Туку-Мануку приблизился боцман, что-то спросил, выслушал ответ и ушел к штурвалу. Вновь появившийся Камека прошипел:

– Оно большое?

Гана пожал плечами.

– Нужно нырять за ним? – не отставал онолонки.

– Да, – сказал Тулага и кивнул на капитана. – Еще на Гвалте я спрашивал, он сказал, у вас есть пояса.

– Есть, – подтвердил метис.

– Тогда нырнешь, – буркнул Камека.

Они разговаривали отрывисто и напряженно, будто за каждым словом был скрыт тайный смысл, и оба знали, что

собеседник осознает его, но все равно не стремились произносить вслух то, что подразумевалось. Смысл был прост: не успеет настать ночь, как они сделают все возможное для того, чтобы собеседник погиб.

Онолонки ушел, капитан также покинул бак. Корабль подвели к рифам, теперь он двигался куда медленнее. Спустили небольшую лодку, которая поплыла впереди, лотом промеряя глубину. Судя по всему, это было не мелкооблачье – рифы вздымались не из общей основы, находящейся неглубоко под поверхностью, но являлись чем-то вроде очень длинных и тонких скал-иглоков. Верхушки их, торчащие над облаками, состояли в основном из панцирей известковых моллюсков и закаменевшей массы отмершего живого жемчуга.

Теперь Гана видел, что святилище окружают шесть или семь рифов. Строение было куда больше, чем показалось вначале: обширный лабиринт под плоской гранитной крышей, состоящий из колонн, стен, коридоров, лестниц, галерей и залов, частично погруженных в облака. Лодка с тремя матросами приблизилась к портику и встала. Они вновь бросили лот. Когда на баке появились боцман с капитаном, один из матросов прокричал:

– Дальше не надо!

«Небесные паруса», развернувшись левым бортом к святилищу, опустили два глубинных спиральных якоря. Лодка вернулась, с помощью талей ее подняли из облаков. Время шло к полудню, жара разливалась над тихим Сном.

Гана обернулся, услышав шаги: к баку подошел Камека в сопровождении четырех матросов с баграми и вооруженного пистолетом боцмана. Фигуры капитана и Укуя виднелись дальше, возле штурвала. Моряки стали в ряд, Камека – посередине, чуть впереди, левое плечо приподнято, голова склонена к нему. В каждой руке он сжимал по топорiku.

Гана глядел на них, положив ладонь на каменную рукоять ножа, висящего на груди.

– В святилище? – спросил онолонки.

Он ответил:

– Да.

– Надо плыть на лодке?

– Да.

– Отдай нож.

Сунув один топор за пояс, Камека поднял руку ладонью вверх.

Гана ждал этого и сказал:

– Ты тоже плывешь?

– С тобой, – подтвердил туземец.

– Без топоров.

– Без топоров? – На лице мелькнуло удивление, глаза блеснули. – Нет! Камека не может без топоров. Камека всегда...

– Даже спишь с ними? – предположил Гана с насмешкой. – Я плыву без ножа – ты плывешь без топоров. Иначе не будет.

– Но Камека... – растерянно и злобно пробормотал оно-

лонки, подавшись вперед. – Никогда! Без топоров Камека не бывает совсем! – Он взмахнул рукой с оружием, и отполированный обух из акульего плавника тускло блеснул.

– Тогда ты не плывешь, – сказал Гана.

– Камека плывет. С топорами. Ты плывешь без ножа, – возразил онолонки. – Камека все сказал!

Пока они пререкались, Тулага медленно перемещался влево и теперь уже стоял почти возле борта.

– Видишь, где я сейчас? – спросил он. – Спрыгну и постараюсь уплыть от вас. Скорее всего, вы подстрелите меня в облаках. Но тогда кто найдет сокровища? Что тебе приказал хозяин, Камека?

– Но вокруг Сон! – громко возразил прислушивающийся к разговору капитан. – Даже если не попадем в тебя – плыть некуда, земля слишком далеко. Да ты ведь и без пояса...

– Значит, утону. Камека, мы оба плывем без оружия. Или ты не плывешь. Я тоже все сказал.

Некоторое время стояла тишина, прерываемая только негромким сопением Укуя. Наконец онолонки произнес:

– Лад, Камека не плывет. Плывешь ты без ножа и четыре матроса.

– Но они поплывут без оружия, как и я.

– Лад, лад!! Нож мне давай быстро! И что в кошеле твоём?

Гана развязал висящий на поясе мешочек и высыпал на ладонь содержимое: несколько мелких монет, воткнутую в клочок ткани иглу, моток суровой нити, сломанную пуговицу.

– Иголку тоже давай, – велел онолонки. – Теперь карманы. В карманах что?

Вскоре Гана стоял возле лоцманского трапа; в облаках ждала лодка с четырьмя моряками. Камека сам отобрал их – это были самые сильные члены команды, и среди них Укуй, который, хоть и хромал, отличался физической крепостью.

– Спустите вторую лодку, с припасами, – произнес Тулага, держась за борт и глядя на онолонки с капитаном. – Ты сиди в ней. Без топоров. Понял? Топоры оставишь на палубе. Если, когда вернемся, я увижу, что лодки нет, или в ней не один ты, или у тебя топоры, переверну сокровища в облака. Они в сундуке, а тот в сетке, сбросить легко будет, у лодки невысокие борта. Когда вернемся, я на ладью не поднимусь уже. Разделим сокровища пополам, я пересяду с половиной во вторую лодку и сразу уплыву. В ней должна лежать сетка, чтобы я ловить мог, и припасы. Ты все понял?

– Лад, – ответил Камека, и Тулага начал спускаться.

Оружие у матросов и вправду отсутствовало, во всяком случае, Гана не заметил его. Но зато трое из них были онолонки – лучшие воины архипелага Суладар. Укую сразу же велели садиться на весла, он принялся было возражать плаксивым голосом, но в конце концов подчинился.

Этих троих звали Ру-Охай, Ахулоа и Третаку. Первые два устроились на корме, а Третаку, обладатель пышных иссиня-черных волос, которыми туземец явно гордился, – на носу возле пассажира.

С собой взяли веревку с тройным крюком, пару длинных багров, лежащих сейчас на дне у борта, и пять плавательных поясов. Тулага оглянулся на украшенный деревянным серапионом нос ладьи, где виднелось несколько силуэтов, и вновь стал смотреть перед собой. Святилище приближалось, колонны вздымались все выше, нависая над лодкой вместе с крышей портика.

– Внутрь нам, – сказал Тулага. – Туда гребь, Укуй.

Они проплыли между колонн. Сбоку, где постройка вплотную подходила к рифам, часть коралловой массы как бы въелась в гранит, срослась с ним, образовав сероватое дырчатое вещество. Миновав портик, лодка очутилась в начале большого зала цилиндрической формы. Облака здесь были очень спокойными, тихими. Впереди возвышалась широченная гранитная лестница, заканчивалась она горизонтальной площадкой под самым потолком далеко вверх.

– На крышу лезть? – спросил сидящий рядом Третаку.

– Нет, нам не туда надо. Дальше, под лестницу.

– Давай багор брать?.. – полувопросительно сказал туземец, и Гана кивнул.

– Но не ты с Ру-Охаем или Ахулоа, а мы с тобой вдвоем.

Укуй повел лодку вдоль лестницы. Позади наклонной громады обнаружились три проема без дверей, ведущие в глубь святилища.

– Нам в средний, – сказал Гана, припоминая объяснения Фавн Сива.

Баграми они стали отталкиваться от стен и дна, помогая гребцу вести посудину.

Теперь со всех сторон был светлый гранитный лабиринт, наполненный едва слышным шелестом эфирного пуха. Сквозь многочисленные проломы в крыше лучи светила проникали внутрь, было жарко. Третаку положил свой шест, теперь Укую помогал лишь Гана. Стоя коленями на передней банке, он отталкивался багром от пола и стен.

Все пятеро надели плавательные пояса. Лодка плыла мимо порталов, коридоров, комнат и лестниц, углубляясь в заброшенное святилище; двигаясь вдоль ряда колонн, миновала длинный неф, проскользнула под широкой аркой. Люди молчали: гулкая тишина рождала ощущение собственной незначительности пред торжественным гранитным величием высоких сводов.

– Долго еще? – негромко спросил Ахулоа сзади, и Тулага ответил:

– Нет, рядом.

Он сказал это наобум, потому что, как и остальные, никогда не бывал здесь. Но он не ошибся: вскоре лодка достигла просторного зала в форме конуса с усеченной вершиной. Высоко над облаками в наклонных стенах были узкие окна, почти щели; посередине зала из эфирного пуха торчала глыба. По ней медленно ползла прыгающая улитка со спиралевидной раковинкой и мясистой пружинкой под розовым брюшком.

Они заплыли в самое сердце святилища, в центр его гранитного тела. Облака здесь были неподвижными – будто плотный слой ваты, уложенной между стенами. Ни единого звука не доносилось снаружи. Широкие веера света развернулись от окон-щелей к эфирной поверхности, мельчайшие пуховые пылинки лениво пролетали сквозь них.

– Стой! – велел Третаку, когда лодка всплыла в зал. Укуй положил весла на дно, выпрямился, вместе с остальными оглядывая полный теплого света зал.

– Алтарь, – негромко произнес Тулага, показывая багром вперед. Эхо подхватило голос, отражаясь от стен, но быстро увязло в облаках и смолкло. – Вроде колеса каменного. Лежит на трех столбах, те упираются в пол. Здесь глубоко – глубже, чем там, где мы плыли раньше. Пол ниже. Под алтарем между столбами стоит сундук. Я нырну.

Он привстал, но Третаку быстро сказал:

– Нет, стоя€, стоя€!

Гана вновь сел:

– Что?

Онолонки несколько мгновений думал, затем сказал:

– Нырнуть Ахулоа.

– Лад, – ответил тот.

Туземец разделся догола, оставив лишь плавательный пояс, выпрямился на носу рядом с Ганой и спросил, показывая на алтарь:

– Под тем, так?

– Так, – сказал Гана.

– Веревка там, цепа?

– Нет. Он просто стоит на полу зала в сетке. Не привязан и не прикован.

Ахулоа оттолкнулся, качнув лодку, и нырнул в облака.

Вновь воцарилась тишина, только Укуй часто постукивал костяшками пальцев по борту. Ожидание длилось долго; сначала Ру-Охай, самый молодой среди матросов, почти еще мальчишка, стал качаться на корме, то наклоняясь к облакам, будто пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь них, то выпрямляясь, а потом и Третаку беспокойно зашевелился рядом с Ганой.

– Где? – спросил он наконец.

Тулага развел руками.

– Почему взад не плыть? – продолжал допытываться онолонки. – Эй, Желтый Глаз! Где Ахулоа?!

Они сидели, всматриваясь в рыхлую ватную белизну вокруг алтаря.

– Не понимаю, – произнес Гана в конце концов. – Почему не возвращается? Если его там убило что-то, он должен был всплыть, он же в поясе. И кровь – пух бы покраснел.

– Что убило? – почти выкрикнул Укуй сзади. – Там – облачка! Что убило?! В них нет ниче!

– А может, он зацепился за что-то? – предположил Гана. – Ну точно! Поясом зацепился, а веревку не смог развязать... Или в сетке запутался, в которой сундук? Я нырну. –

Он вновь привстал.

– Не! – Третаку схватил его за локоть. – Если обмануть ты?

– Как обмануть?

– Ныр – и взад нет тебя. Уплывешь совсем?

– Куда? – удивился Тулага. – Ты ж видишь, стены вокруг...

Хорошо, ты ныряй.

Туземец оглядел эфирную поверхность.

– А если там... – неуверенно начал он.

– Что?

– Лад, вместе нырнуть, – решил онолонки. – Ру-Охай, сюда подь. Укуй – сиди, сторожи.

– А если и вы взад не приде? – забеспокоился Укуй. – Э, Третаку! Как Укую быть, ежели один останься? Ныр – и вас нет, а Укую что? А?

– Трое нас, – отвечал на это онолонки. – Мы аж трое ныр. Мы сильны, всех победим, кто там есть. Ты сиди, жди, Укуй.

Он и Гана выпрямились на носу, Ру-Охай, пройдя мимо хромого, встал позади них.

– Давай вместе, – произнес Третаку, проводя ладонью по своим черным волосам. – Вместе-разом ныр. И ты, Желтый Глаз, рядом со мной плыть. Ты понять? Совсем близко, чтоб я тя видеть. А не то... – Он поднял мускулистые руки и сжал пальцы, показывая, что задушит Гану. Онолонки был выше его почти на голову и куда шире в плечах, да и Ру-Охай отличался силой. Тулага подумал, что эти двое вместе с Аху-

лоа – не обычные матросы с галеры, а охранники Уги-Уги. Монарх, отправившись в плавание через Гвалту по облачной речке, мог оставить их на «Небесных парусах» для охраны ладьи от серапцев, которые могли попытаться доплыть до нее с берега Проклятого острова. В любом случае эти трое выглядели нормально в сравнении с другими членами команды.

– Будем вместеплы... – продолжал Третаку, и тут Гана, оттолкнувшись от банки, нырнул.

– А! – выкрикнул Ру-Охай удивленно, после чего онолонки прыгнули следом.

Солнечные лучи не пронзали облака насквозь, но будто прореживали их, делая эфирный пух прозрачнее. Плавательный пояс существенно уменьшил вес тела. Плывая в двух локтях над полом, Гана оглянулся и увидел гибкие фигуры туземцев слева и справа позади себя.

Сквозь белую пургу проступил край одного из трех столбов, поддерживающих колесо алтаря. Он повернул голову, увидел, как быстро нагоняющий Третаку машет рукой, показывая, что надо остановиться и всплыть... и рванулся дальше, когда понял, что туземец сжимает короткий нож.

Наверняка онолонки прятал оружие в своих пышных волосах. Перевернувшись лицом кверху, Гана оттолкнулся от края нависшего над ним гранитного круга и вновь развернулся, уходя в глубину. И разглядел наконец, что находится впереди: из пола под алтарем торчал крюк, от которого

в дыру уходила веревка, – а выше висел большой пауног, в несколько раз крупнее, чем те, из провала, и других очертаний. Длинными щупальцами он прижимал к себе Ахулоа. Вот почему эфир не покраснел: тварь не ранила туземца, просто сломала ему руки и ноги, свернула шею. Онолонки застыл, похожий на спящего младенца, которого мать прижимает к груди; только голова была откинута назад и неестественно повернута, а рот, полный пуха, разинут в беззвучном крике.

Тулага оттолкнулся пятками от глыбы в тот миг, когда кончик ножа полоснул по спине, и струя крови, завиваясь, будто дымок на слабом ветру, потекла сквозь пух, расплываясь, смешиваясь с ним.

Жители островов были хорошими пловцами, но тот, кого они преследовали, – еще лучшим. К тому же туземцы не знали, кто поселился здесь. Демоны вызывали у островитян ужас – увидев тушу под алтарем, онолонки запаниковали. Тем временем пауног, отпустив Ахулоа, выгнул щупальца. Два из семи гибких отростков дернулись книзу, чтобы ухватить Тулагу, но тот уже нырнул в круглое отверстие под тварью.

Веревка, тянувшаяся от железного крюка, была короткой. Под святилищем висела сетка, в ней покоился небольшой сундук. Ну а дальше простиралась облачная бездна – пространство невообразимой глубины, заполненное пухом, который ниже становился все более плотным и влажным. Ес-

ли снять пояс и не сопротивляться, тело станет опускаться туда, сначала почти падать, затем все медленнее, пока, в нескольких танга под поверхностью, не застынет во влажной тьме, сдавленное слоями пуха. От старого механика Джудигана Тулага слышал, что там обитают крупные фантомные креветки и даже фантомные медузы, способные разъедать, растворять любое вещество; они занимаются очисткой сплюснутых облаков не только от мелкого сора, но и от крупных тел, а иначе внизу был бы теперь целый горизонт, состоящий из затонувших предметов, трупов, лодок и эфиروпланов.

Он с усилием вернул свое внимание к происходящему, удивившись тому, что отвлекся в столь неподходящий момент. Раньше такого не случалось; но картина внешнего пространства, сквозь которое плыл Аквалон, засела в глубине сознания и теперь то и дело поворачивала мысли Ганы в сторону отвлеченных раздумий о сути окружающих явлений и событий.

Окутанный облачком мелких кровавых капель, он повис под отверстием, ухватившись за сундук. Сквозь эфир звуки проникали слабо, но Гана услышал сдавленный вопль. Под алтарем взметнулся пуховый смерч, облака заволновались, что-то гибкое и длинное стремительно пронеслось сквозь них, развернулось, скрутилось вокруг смутно различимого человеческого силуэта...

Потом все замерло. Он оставался на месте, прислушиваясь. Теперь облака успокоились, и над собой Гана не видел

ничего. Выждав еще немного, он стал всплывать, перебирая руками вдоль веревки, на которой висел сундук. Оказавшись над уровнем пола, с силой оттолкнулся от края, послал свое тело наискось вверх, оставляя позади красноватый дымок, взвесь, которая быстро растворялась в пухе, делая его бледно-розовым.

Он вылетел из облаков, поднявшись почти до поясницы, и увидел, что лодки с Укуем нет в помещении. Когда облака вокруг алтаря, взбурлив, изменили цвет, трусливый туземец поспешил развернуть посудину и покинуть зал. Не оглядываясь на гранитное колесо, Гана нырнул, сделав несколько мощных гребков, выставил голову над пухом уже возле проема, заметил далеко впереди, в конце широкого коридора, лодку и силуэт на ней, нырнул опять, вынырнул, вновь нырнул...

Посудина стояла в проеме, за которым начинался зал с тремя порталами. Укуй исчез – прыгнул, когда понял, что его догоняют. Ухватившись за борт, Тулага залез, выпрямился на носовой банке и огляделся. В святилище стояла тишина, пух застыл, ничто не указывало, в какую сторону поплыл хромой островитянин.

Это меняло ситуацию. Он надеялся, что при помощи чудовища, о котором рассказал Фавн Сив, и собственных сил ему удастся справиться со всеми тремя туземцами. Не было времени разбираться с пауногом сейчас, ведь Укуй вскоре доберется до «Небесных парусов», и тогда там всполошатся,

ожидаая скорого нападения...

Гана нырнул.

\* \* \*

Уги-Уги разбудила его наложница Нахака. Монарх спал в привычной позе: на животе, сунув голову под большую плоскую подушку. Даже если он засыпал посреди дня, как сейчас, во сне все равно никогда не слышал, что происходит вокруг, разбудить его мог лишь очень громкий и резкий звук – но вот малейшее прикосновение сразу ощущал и тут же просыпался.

В комнате было полутемно, окна закрыты тяжелыми деревянными ставнями. Нахака разбудила своего повелителя, осторожно дотронувшись до его колена. Толстяк что-то проворчал и занес над ней руку, собираясь ударить. Девушка, свернувшаяся клубочком возле его необъятного бока, испуганно сжалась.

Но карающая длань застыла в воздухе. Монарх увидел встревоженные глаза, огромные, поблескивающие в полутьме, и сообразил, что она разбудила его не случайно, но потому что уловила доносящийся из-за двери шорох. Теперь его услышал и монарх. Звук был необычным.

Они находились на втором этаже деревянного дома на краю поселка, который окружал провал в центре Проклятого острова. Местные называли этот дом Дворцом Бога, хотя

какой там дворец – обычное здание, просто самое большое здесь. Да и богом Уги-Уги не был, сам-то он это хорошо понимал.

Шум за дверью стих, но не надолго, вскоре вновь раздались приглушенные шорохи. А ведь охранники знали, как разгневаается повелитель, если его разбудить во время дневного отдыха. Монарх тяжело сел и собрался было хрипло проорать приказ находящимся снаружи, но что-то в тональности звуков заставило его насторожиться. Там будто кто-то осторожно царапал по дереву...

Покинув кровать, Уги-Уги подошел к столику под стеной. Там стоял украшенный крошкой из драгоценных камней ларец, который монарх привез сюда из своей резиденции на острове Атуй. Открыв его ключиком, снятым с золотого браслета на правом запястье, Уги-Уги достал кинжал. Клинок был таким длинным и тонким, что напоминал спицу.

Толстяк шагнул к двери, встал вполоборота слева от нее. Недоуменно глядя на повелителя, Нахака приподнялась, упираясь локтем в смятые простыни. На ней была лишь короткая прозрачная сорочка. Скрежет за дверью стал чуть громче. Повернув к наложнице голову, Уги-Уги одними губами произнес:

– Разденься!

Она моргнула, непонимающе уставилась на него. Толстяк повторил, тщательно артикулируя:

– Разденься, быстро!

Наконец девушка сообразила, что от нее хотят. Она села, свесив гладкие ноги с миниатюрными ступнями. Каждый ноготь был тщательно покрыт бриллиантовым лаком. На синей коже под правым коленом темнел синяк – это Уги-Уги поставил его прошлой ночью. Нахака через голову стянула рубашку, вновь глянула на него. Монарх приказал:

– Встань. Встань перед дверью.

Она выпрямилась, бесшумно и грациозно ступая по ковру, сделала несколько шагов...

– Нет! – прошептал он. – Назад. Отойди немного.

В конце концов Нахака встала там, где он хотел. Уги-Уги, вслушиваясь в происходящее снаружи, занеся кинжал над головой, оглядел ее. На девушке теперь осталось лишь два золотых украшения: цепочка с мелкими драгоценными камешками на левой лодыжке и крепкий витой ошейник. Сколько ей лет? То ли пятнадцать, то ли семнадцать, монарх не мог вспомнить. А вероятно, никогда и не знал. Совсем невысокого роста, от природы очень изящная, грациозная... Как давно она у него... два года? Три? Нахака уже начала ему надоедать, ее тело было слишком хорошо знакомо ему. Через полгода-год надо будет заменить ее на другую, более молодую наложницу. А лучше сразу двух. И почему через полгода? При возвращении на Да Морана выбросить ее за борт, в облака. Или устроить ловлю серапионов с Нахакой в роли наживки. Странно, что она вообще выжила, всех предыдущих наложниц Уги-Уги задушил во время постельных забав,

руками или шнурком, на котором в его дворце на Атуе возле кровати висел колокольчик. А одну – зарезал.

Так или иначе, несмотря на все, что ей довелось пережить в спальне монарха, фигура Нахаки оставалась прекрасна.

– Теперь не шевелись, что бы ни произошло! – приказал Уги-Уги.

Она кивнула. В следующее мгновение замок хрустнул, дверь раскрылась, наполнив комнату льющим из коридора дневным светом, и в проем один за другим бесшумно вступили два человека.

Глаза обоих светились мутным желтым светом. Оба замерли, увидев стоящую перед ними красавицу.

Рука Уги-Уги опустилась, тонкий клинок вонзился в основание шеи над правым плечом первого незнакомца, вошел до самой рукояти. Человек захрипел, падая, монарх выдернул клинок и вонзил в грудь второго, повернувшегося к толстяку лицом, при этом заметив оружие, ножи и пистолеты в руках злоумышленников. Второго он узнал – Пло, старший помощник Лен Алоа, гончего Верхних Земель, доставлявшего новых рабов на прииск по безымянной облачной реке.

Уги-Уги выдернул клинок из сердца Пло, и тело упало на ковер. Стараясь дышать как можно тише, он обернулся: Нахака не моргая молча смотрела на него. В конце концов, на ее глазах в спальне дворца Уги-Уги на монаршем острове было убито множество людей...

Крепко сжимая кинжал, он высунул голову в дверной про-

ем, оглядел коридор, увидел труп туземца из охраны, приплывшей на Гвалту вместе с ним.

Шагнул назад и бесшумно прикрыл дверь.

Замок в ней был сломан.

Все еще с окровавленным кинжалом в руках, Уги-Уги устоял на девушку, усиленно размышляя.

Мозг его, в отличие от тела, не заплыл жиром. Монарх помнил: начало бунта в провале совпало с его прибытием на Гвалту – день в день. Собственно, именно поэтому Уги-Уги до сих пор находился здесь, иначе он бы уже давно посетил прииск, побеседовал бы с Лен Алоа, полюбовался на укушенного Диша Длога и отправился в обратный путь, прихватив собранные за последнее время алмазы. Но бунтовщикам, судя по всему, удалось расправиться с живущими внизу надсмотрщиками и Большим Змеем либо загнать их в нижнюю часть провала, где обитали беглые безкуни. Новые алмазы перестали поступать в поселок, спущенные в корзине бойцы обратно не вернулись. Дважды бунтовщики пытались прорваться наверх, но их отбрасывали обратно.

И вот теперь, понял он, Бром Бом с Лен Алоа решили поднять *свой* бунт. Захотели свергнуть Бога! Ведь все это началось, когда Владыка Верхних Земель прибыл на прииск. Даже находясь здесь, он не смог справиться с еретиками, не покарал, призвав молнию с небес или обрушив на них каменную лавину... Бог потерял свою силу, вот как, должно быть, решили они.

– Бром, – беззвучно произнес толстяк и шагнул к раскрытому ларцу. – Решил Владыкой стать сам? Лад, еще поглядим мы, посмотрим, сможешь ли владычествовать ты...

Говоря это, Уги-Уги положил кинжал возле ларца, достал большой пузырь с маслом, раскрыл и принялся намазывать себя.

Через мгновение тонкие ручки скользнули между его ладоней – увидев, чем занят повелитель, Нахака решила, что это какая-то новая игра, ведь ей часто доводилось втирать масло в тела хозяина. Теперь она попыталась отобрать пузырь, чтобы заняться знакомым делом. Зарывав, Уги-Уги пухлым локтем толкнул ее в грудь, и наложница упала, растянулась на полу во весь рост. Сверху вниз поглядев на нее, монарх вдруг ощутил желание такое острое, что страх на несколько мгновений исчез, уступив место похоти. Уги-Уги даже шагнул к девушке, чтобы овладеть ею прямо на полу – а она лежала неподвижно, покорно глядя на него, – но тут же опомнился. Его могли убить прямо на ней, пригвоздить к полу и его и ее тело одним сильным ударом копья... как не вовремя он отправил Камеку с тем пиратом! Кривобокий онолонки – хитрый, умелый воин, он бы не позволил... впрочем, в его присутствии Бром Бом с Леном Алоа, скорее всего, и не решились бы на бунт.

Уги-Уги намазался с ног до головы, стараясь не втирать масло в тело, но лишь покрыть кожу ровным блестящим слоем. Нахака на полу села, прижавшись спиной к кровати, не

понимая, что происходит. Закончив, монарх собрался было бросить пузырь под стену, но передумал и покосился в сторону наложницы. Захватить ее с собой? Да нет, зачем она нужна... хотя в крайнем случае можно швырнуть Нахаку в преследователей как палку.

Он кинул ей пузырь и велел:

– Лад, намажь себя. Но не втирай, сделай так, чтобы стать скользкой. И не одевайся. Поняла?

Не дожидаясь ответа, шагнул к двери и прислушался, затем чуть приоткрыл ее, выглянул в коридор. Возле неподвижных тел охранников лежали пуу. Уги-Уги не стал брать их, он не умел пользоваться топориками, к тому же слегка боялся этого оружия – слишком уж острое. Кряхтя, он присел над трупами двух убийц. Взял нож, пару пистолетов вместе с кобурой и ремнями, затем вернулся к постели. Нахака, стоя на коленях, намазывала маслом грудь и живот медленными круговыми движениями. Нагнувшись, толстяк несильно стукнул ее кулаком по голове и прошипел в испуганное личико:

– Поспешి, дочь курицы!

Ее движения стали быстрее, и монарх кивнул. Он до сих пор не знал, какие чувства испытывает к нему девушка, но полагал, что это – рабская любовь, слепое обожание. Она иногда плакала от боли или обиды, но относилась к издевательствам как к должному, будто покорная собака, которая подчиняется хозяину и принимает любое наказание, да-

же когда не понимает, за что ее наказывают; никогда не пыталась возражать, возмущаться, спорить, дерзить. Наверное, и вправду считала своего повелителя богом, воплотившимся в человеческом теле, одним из могущественных обитателей Канона... впрочем, подумал Уги-Уги, девка вряд ли слышала что-либо о Каноне.

Он вновь заглянул в ларец. Помимо пузыря с маслом там был гношиль – много гношиля. Уги-Уги решил было в последний раз помазать десны и даже протянул к ларцу руку, но передумал. Наркотик станет мутить рассудок, и убежать будет труднее. Положив оружие на кровать, он высвободил пояс из пряжки, добившись максимальной длины, кое-как опоясался, развесил пистолеты с ножами, обул легкие туфли и вновь направился к двери. Нахака выпрямилась во весь рост, все ее тело поблескивало.

Приоткрыв дверь, Уги-Уги высунулся.

И услышал тихий звук шагов, доносящийся с лестницы в дальнем конце коридора.

Он рванулся назад, толкая Нахаку перед собой, обогнул кровать и распахнул оконные ставни.

– Лезь! – скомандовал Уги-Уги.

Двор был пуст. В трех локтях под окном тянулся деревянный навес. Монарх знал, что находится внизу: земляная площадка перед задней дверью кухни, узкая лавочка, где часто сидели отдыхающие от дел слуги, две жерди, поддерживающие навес по углам...

Нахака глядела на него.

– Слазь, не то убью сейчас!

Она полезла. Когда девушка обоими коленями стала на подоконник, Уги-Уги ладонью подпихнул ее под блестящие от масла ягодицы, и она с тихим вскриком свалилась вниз. Навес дрогнул, но выдержал. Из щелей между досками взлетела пыль.

– Лад, дальше иди. Быстро!

Нахака теперь совершенно ничего не понимала, мир смешался в невообразимый калейдоскоп невероятных, необъяснимых событий. Раньше такого не случалось никогда: хозяин часто издевался над ней, мучил и бил, дважды душил ее почти до смерти, но он всегда был повелителем всего происходящего, владыкой всех людей, всех событий, владыкой мира – или, по крайней мере, окружающего Нахаку мирка. Упав на доски, услышав гневный окрик сзади и с трудом поднявшись, девушка вдруг осознала: что-то угрожает хозяину! Он перепуган! Впервые с того дня, как отец, король крошечного островка на юге Суладара и вождь двух десятков туземцев, продал Нахаку монарху, она видела его испуганным!

Оглянувшись на Уги-Уги полными слез глазами, Нахака медленно побрела по скрипящим доскам, чувствуя, как щепки и мелкие сучки впиваются в стопы. Смазанная прозрачным маслом кожа поблескивала под лучами светила, легкий ветерок охлаждал ее, световые блики переливались на груди и бедрах. Позади, удостоверившись, что доски держат, Уги-

Уги тяжело полез в окно. Он сделал два шага, и навес провалился.

Онолонки, дремлющий на лавке внизу, заорал дурным голосом: туземцу показалось, что рухнуло небо. Сжимая свои топоры, он выбрался из-под обломков, увидел наложницу хозяина, всю облепленную щепками, а после – самого хозяина, который как раз поднимался посреди кучи переломанного дерева. К вымазанной маслом коже пристали щепки, сучки и солома.

– Напали на нас! – рявкнул ему Уги-Уги, шагая по развороченному навесу. – Один ты здесь? Другие где?

Охранник лишь хлопал глазами, пялясь на повелителя. Потом взгляд его метнулся вверх; толстяк обернулся: в окне, из которого они с Нахакой только что выбрались, возникли два лица. Первое принадлежало Брому Бому, второе – Лену Алоа.

– Убей его! – заорал Уги-Уги и побежал вперед, на ходу схватив пытающуюся подняться Нахаку за волосы.

Онолонки уже пришел в себя. Хозяин не уточнил, кого именно из этих двоих надо убить, и туземец, метнув пуу в Лен Алоа, бросился следом за Уги-Уги.

Сзади слышался крик, на ходу толстяк оглянулся, увидел, что в окне теперь маячит лишь голова Брома Бома, а из-за угла дома показалось несколько желтоглазых метисов. Монарх поставил Нахаку на ноги, отпустив ее волосы, побегал дальше.

Не зная, следуют ли наложница и охранник за ним, он промчался мимо ряда высоких кустов, повернул, брюхом вломился в хлипкую калитку, сметя ее, понесся вдоль залитой солнцем улицы поселка. Телеса его сотрясались, ходили волнами, пухлые ступни молотили дорожную пыль, дыхание с хрипом вырывалось из разинутого рта – уже много лет монарху не доводилось бегать.

Он заметил свою охрану – трупы лежали в ряд на краю улицы, из груди каждого вертикально торчал толстый кол. Бром Бом с Лен Алоа подошли к вопросу основательно и все заранее продумали; подручных Бога, скорее всего, объявили демонами.

На пути возникли четверо, вооруженные копьями и ножами, да еще и с факелами в руках. Выхватив из кобуры пистолет, монарх выстрелил в лицо одного, затем сжался, пригнул голову, с сильным ревом устремился дальше.

Уги-Уги не видел, как из-за его спины прилетел топорик и прорубил плечо другого метиса. По скользкой от масла груди чиркнули чьи-то ногти, кто-то безуспешно попытался ухватить его за плечи, факельный огонь опалил волосы... и монарх вырвался на свободу.

Сзади раздался звук удара, крик, потом стон и еще один крик, но толстяк не стал оборачиваться.

Он остановился лишь перед высокой оградой провала, раскрытыми воротами и дощатым настилом, на конце которого была корзина с веревкой. Повернувшись, Уги-Уги уви-

дел Нахаку и онолонки – они тоже прорвались. Плечо девушки украсили глубокие царапины, охранник был ранен в левую руку, кровь текла по лицу. Сзади спешили люди с копьями и факелами, среди них выделялась длинная фигура Брома Бома, облаченного, как обычно, в белое покрывало с алой каемкой, обнажающее одно плечо. Монарх поворотился влево, вправо. Головы обитателей поселка мелькали со всех сторон, за изгородями и кустами. Бром Бом потряс копьем и прокричал что-то. Уги-Уги попятился. Темно-синее заплывшее лицо его, усеянное капельками пота, почернело от прилившей к голове крови. Подбежавшие наложница с охранником глядели на хозяина. Отвернувшись от них, он сделал шаг к настилу, и тут прилетевший откуда-то камень угодил монарху в затылок.

Окончательно Уги-Уги пришел в себя, лишь когда ощутил запах гношиля. Всхрапнув, он раскрыл глаза, застонал, пытаясь согнуть руки, но не в силах сделать это. И понял, что стянут со всех сторон: тело обмотано плотными слоями ткани, так что свободным оставалось лишь лицо. Монарх лежал возле провала. На фоне бьющего оттуда желтого светового столба он видел голову склонившегося Лен Алоа – гончий Верхних Земель обмазывал щеки пленника гношилем, сильно вдавливая его в кожу.

– Что делаешь, отступник? – просипел монарх. – В преисподнюю захотел?!

У Лена отсутствовала нижняя часть правого уха – должно

быть, брошенный охранником топорик срезал его.

– Убью вас всех! – неистовствовал монарх, в то время как гношили булькал и пузырился на его лице. – Разорву, в крови утоплю, сожру заживо!

Алоа оскалился, склонившись ниже, прошептал:

– Лишь жертва спасет нас.

Очень скоро стало ясно, что имеет в виду метис: запеленутого, будто мумию, Уги-Уги поставили на колени в длинную корзину на краю настила. Бывшие подданные выстроились в два ряда, а Бром Бом вместе с Алоа и двумя высокими туземцами провели между ними онолонки и Нахаку, на телах которых темнели кровоподтеки. Руки у охранника были связаны за спиной, оба шли пошатываясь.

Лицо монарха пылало, запах наркотика кружил голову. Он начал подвывать, слизывая комочки гношили, до которых мог дотянуться языком, покачиваясь и скрипя зубами, пока не опрокинулся на спину. Корзина накренилась и чуть не упала с настила, но Лен Алоа ухватил ее за борт. Онолонки остался на досках, а туземку толкнули внутрь, после чего Бром Бом выкрикнул что-то – монарх не расслышал, что именно, в голове его гудело.

Ему показалось, что где-то неподалеку зазвучала музыка – возможно, она раздавалась лишь в его сознании, а может быть, это Бром велел играть нескольким владеющим примитивными инструментами туземцам. Лежащий на дне корзины пленник не видел, как люди опустились на колени и скло-

нили головы. Он вдруг захохотал, потому что понял: его приносят в жертву! Но кому? Быть может... ему самому? Или Лану Алоа, богу Нижних Земель?

Кто-то пнул корзину: соскользнув с края настила, она качалась на веревке, медленно опускаясь. Нахака, скуля, повалилась на своего повелителя.

Когда днище корзины ткнулось в каменный выступ, вверху перерубили веревку, и она упала следом. Обнимая хозяйку за плечи, наложница лежала на нем и рыдала, а он молча глядел вверх, лишь тихо сопел.

Донесся крик, и что-то большое полетело вниз. Зрачки Уги-Уги расширились, он замычал, стараясь перевернуться. Туземка подняла голову, оглянулась и вскочила. Выпрыгнув из корзины, навалилась на борт, безуспешно пытаясь оттащить ее в сторону, потом, наоборот, надавила и в конце концов перевернула на бок. Выкатившийся наружу монарх чуть не сверзился в провал – замер на самом краю выступа, вращая глазами.

И все же Нахака спасла его от смерти или увечья. Через мгновение после того как корзина перевернулась, все еще связанный онолонки, живот которого был проткнут кривым копьем, рухнул на спину там, где она только что была. Во все стороны брызнула кровь; Нахака завизжала.

Уги-Уги понял, что произошло, хотя не видел этого. Он лежал спиной к корзине, скосив глаза. Ниже был еще один каменный выступ, куда монарх в приступе извращенного

остроумия приказал посадить Диша Длога, чтобы глаза парализованного торговца видели прииск и все то богатство, которого он лишился.

Выступ маячил темной узкой тенью в дрожащих потоках едкого, разъедающего пространство света. На камнях валялось перевернутое кресло, из сиденья торчала стрела. Торговца там не было.

Впрочем, у монарха Суладара сейчас хватало других забот, чтобы раздумывать над судьбою бывшего партнера.

– Низвергнуты... – простонал Уги-Уги. – Мы низвергнуты! Эй, девка! Развяжи нас быстрее!

## Глава 3

От болота между деревьями текли облачные ручейки – словно белая сетка накрыла землю по другую сторону расщелины. Арлея шла за Эрлангой, плечом к плечу с Лигом. Юнга, повесив пушечку на спину, размахивал тесаком, круша ветви и молодые стволы. Из зарослей перед ним то и дело вылетали жуки размером с куриное яйцо и, громко жужжа, уносились прочь; иногда с веток вспархивали бабочки, иногда проносились, тонко звеня, крылатые змейки.

– Скоро их догоним, ваш'милость, – пробормотал боцман. – Хотя...

– Что? – спросила она, разглядывая меняющуюся растительность.

– Они, может, всю жизнь по джунглям, а мы ж непривычны к этому делу, потому медленнее их... Или нет? Ежели они капитана тащат, – может, и догоняем все же. Следы, сдается мне, свежие, потому... – Его бормотание заглушил треск тонкого ствола, который Эрланга с корнем вырвал из мягкой земли. Отбросив дерево, здоровяк зашагал дальше, и Арлея с Лигом последовали за ним, но тут же вновь остановились: впереди был изгиб облачного ручья, такого широкого, что пришлось по очереди перепрыгивать.

– А вона другой. – Юнга ткнул пальцем влево, где за деревьями виднелся еще один поток.

– Много их тут, – согласилась Арлея. – Видите, вон еще... и дальше... Ладно, идем, идем!

Шелест звучал уже со всех сторон; бесчисленные облачные ручьи текли между стволами и зарослями в одном направлении, туда же, куда шли путешественники. Деревья теперь росли реже, стало немного светлее, воздух посвежел.

– Тихо! – шикнул вдруг боцман. – Не колоти ты!

Эрланга, кажется, получал детское удовольствие от того, что крушил своим тесаком стволы, ветви и лианы. Впрочем, деревьев на пути стало меньше, и прорубать просеку, чтобы двигаться дальше, нужды не было. Юнга замер, подняв оружие. Нежный тихий шелест множества пуховых ручейков несясь отовсюду, но впереди он звучал громче, превращаясь в низкий гул.

– Ух! – сказал вдруг Эрланга и зашарил рукой на поясе, пытаясь выскрести из кобуры пистолет.

– Нет, погоди! – Боцман ухватил его за локоть, не позволяя достать оружие. – Стой... молчите теперь, они нас, кажись, не заметили.

«Они» были существами, которых Арлее видеть пока не доводилось... вернее, как тут же сообразила она, не доводилось видеть на суше, разве что в приготовленном виде. Девушка даже рот открыла, с изумлением разглядывая их.

Нечто среднее между кальмарами и большими облачными звездами. Хватаясь за ветви передней парой щупалец, они раскачивались, выбрасывая перед собой заднюю пару,

мгновение летели в воздухе, затем хватались за ветвь впереди. Будто прыгающие по канатам акробаты из цирков, что иногда появлялись на Да Морана. У кальмаров были глаза и круглые рты, обрамленные кустиком коротких шевелящихся отростков. Целая стая, около десятка существ, скакала по веткам мимо...

Путешественники стояли неподвижно, провожая их взглядом. Вскоре треск и похрустывание веток, прогибающихся под весом тел, смолкли, и вновь со всех сторон донесся шорох облачного пуха.

– А... – начал боцман и замолчал. Арлея с Эрлангой повернули к нему головы. – На одном...

– Что? – спросила девушка, когда Лиг вновь умолк.

– Пояс, – разъяснил он наконец. – Пояс на одном был. Зеленый такой, в крапинку...

– Не может быть! – удивился юнга.

Они помолчали, прислушиваясь к шелесту и вглядываясь в кроны.

– Может, расцветка просто у этих... этих зверьков такая? – предположила наконец Арлея.

– Может, – пробурчал боцман так, что стало ясно: нет, он уверен, что один из скачущих по деревьям кальмаров был опоясан ремнем.

Чем дальше, тем чаще ручьи сливались, образуя более мощные потоки, которые также соединялись друг с другом, – и вскоре уже путешественники шли по облакам, затянувшим

землю равномерным слоем глубиной почти до колен. Эфир нес мелкие листья и сучки, пузырился, закручивался облаковоротами.

– Деревья другие совсем, – сказала Арлея, в очередной раз останавливаясь. – Глядите, я такого раньше не видела!

Из потока торчали широкие, но невысокие, в два человеческих роста, стволы бледно-желтого цвета. Нижняя часть лишена веток, зато прямо над головой горизонтально торчали толстые сучья. Поначалу сквозь них виднелось небо, но вскоре они переплелись так, что образовали нечто вроде почти сплошного яруса, по которому, наверное, можно было идти, словно по земле.

Устав, Арлея присела на торчащий из пуха пенек и прищурилась. Взгляду открывалось полутемное пространство между растекшимся по земле эфиром и ветвями. Звуки здесь были глухими, как в помещении с низким потолком; эфирный пух, казавшийся теперь бледно-серым и комковатым, сплошной массой двигался в глубину сумеречного пространства.

– Видели что-нибудь подобное раньше? – спросила девушка. – Я имею в виду, того болотного паука, или кто он был, и этих кальмаров, и деревья...

Боцман покачал головой, а юнга протянул:

– Не-е...

– И я не видела, – заключила она. – Хотя я ведь много чего не видела в Аквалоне, он большой. Но мне кажется... не

знаю почему, мне кажется, что это все – не отсюда.

– Чего? – спросил юнга.

– Не из Аквалона.

– А! – Он кивнул, почесал лоб, затем нахмурился и спросил: – Так эта, ваша милость... чего это значит, я не пойму? А откуда тогда?

– Не знаю. Но, может... Ладно, пошли. Здесь, наверно, много таких диковин, если из-за каждой останавливаться... И что это шумит там впереди?

Вскоре уже поток сбивал с ног, пришлось идти, хватаясь за стволы и торчащие из облаков накрененные течением кусты – тоже необычные, украшенные листьями сплошь в багровых прожилках. С ветвей свешивались тонкие, как бечевки, лианы, полосы мха и какие-то осклизлые сетчатые лоскутья растительного происхождения – Арлея, оступившись и попав ногой в скрытую под пухом неглубокую яму, случайно ухватилась за один из них и тут же отдернула руку: он был неприятно липким и кололся.

– Навроде паутины это, – сказал боцман, показывая на несколько приставших к лоскуту крупных мух и жуков.

Сделав еще шаг, Арлея споткнулась о кочку и упала на одно колено. Лиг протянул ладонь, но она выпрямилась сама.

– А там светло, – заметил боцман.

– Эге, – согласился юнга.

В нескольких десятках шагов впереди необычные джунгли заканчивались. Там висела густая пелена снеж-

но-белого, пронизанного лучами тумана.

– Не добредем туды, – решил Лиг, сделав еще несколько шагов и обеими руками ухватившись за желтый ствол. – Шибко оно теперь несет ...

Поток и вправду стал очень сильным, так что идти было совсем тяжело. Арлея, привалившись плечом к дереву, нажала на кору пальцами – та чуть прогибалась и напоминала бархатистую, покрытую коротенькими ворсинками кожу.

– Эрл! – обратился Лиг к юнге. – Слышь, давай наверх залазь.

– Чего? – удивился здоровяк, которому уже давно приходилось передвигаться, сгорбившись и наклонив голову вперед, так как полог веток был слишком низок для него.

– По сучьям пойдем, – разъяснил Лиг. – Иначе снесет. Давай, ты самый высокий – погляди, что там, а после все заберемся...

– Понял! – откликнулся юнец. – Тока это... пушку подержите кто, с ней несподручно.

Стоявшая ближе к нему девушка сказала: «Давай я», – и приняла из рук Эрланги оружие. Пришлось крепко прижать ствол к животу, такой он был тяжелый.

Юнга достал из ножен тесак, слегка присев, глянул вверх, скинул руку и вонзил клинок, будто в деревянный потолок. Поковырял там – сумрак пронзила полоса света. Срезав несколько ветвей, переплетенных, как нити в ткани, юнга убрал оружие, взялся за края отверстия, подтянулся, за-

совывая голову... и, вскрикнув, улетел вверх.

Арлея охнула, Лиг крикнул. Из-за веток донеслось сдавленное проклятие, треск, звук удара, а потом вновь стало темно, когда что-то массивное перегородило прорубленное Эрлангой отверстие.

Лиг закричал, когда подошвы сапог уперлись ему в спину. Он стоял на четвереньках, а девушка – на нем, крепко держась за срезанные ветви, сочившиеся густым янтарным соком. Слыша тихое сопение, она выглянула, просунула в прореху локти, подтянулась и села на краю так, что ноги остались внизу.

Здесь было куда светлее. Рядом на боку лежал Эрланга и рассматривал поверженное им существо – лиловую тушу с щупальцами. Из пухлого бока торчала рукоять тесака, рядом виднелось несколько глубоких ран. Когда хозяйка появилась, моряк перевел на нее взгляд, ткнул пальцем в страшилищу и недоуменно пожал плечами, брезгливо морщась. Девушка глянула вниз. Лиг отряхивал руки от эфирного пуха, горлянка стояла рядом, прислоненная к стволу.

– Давай сюда, – шепотом велела Арлея.

Ветви образовывали переплетение настолько плотное, что оно, должно быть, могло выдержать вес большой толпы. Стволы деревьев торчали из него – голые, увенчанные лишь пучком коротких веток с большим овальным листом на конце каждой. Листья тихо шелестели. Окружающее напоминало не лес, но скорее песчаную пустошь, для чего-то утыкан-

ную желтыми столбами.

В отверстие забрался Лиг, а девушка присела, разглядывая поверженную юнгой тварь. Та напоминала одновременно улитку и паука: округлое тело, щупальца под ним... и торчащая из спины верхняя часть кальмара, у которого были свои, более короткие щупальца. Тварь лиловая, кальмар – желтовато-зеленый, в мелкую коричневую крапинку. Она – лоснящаяся, будто шкура густо смазана маслом, он – с влажно поблескивающей мягкой кожей, как на животике у большой болотной лягушки. Тварь пухлая, оболочка натянута, кальмар – с обвисшими складками. Он напомнил Арлее свернутую жгутом большую половую тряпку с глазами.

И он не сидел на спине твари. Нет, скорее...

Лиг, на коленях подобравшись ближе, щелкнул языком, рассматривая эту картину. Девушка растерянно покачала головой.

– Ты видишь? – прошептала она. – Эта медуза... медузоид... Он в него...

Нижняя часть кальмара как бы вросла в летающего медузоида. Нет, в спине твари не было дыры, но она... Арлея пошевелила губами, пытаясь сама для себя сформулировать, описать то, что видели глаза. Плоть медузоида будто расступилась, впитав, вобрав в себя примерно треть кальмарьего тела – они не слиплись, но стали единым целым, будто смешались. У твари имелось около дюжины щупальцев, у кальмара всего четыре. Два из них кончиками были тоже погру-

жены в спину, будто с их помощью наездник управлял тем, кого оседлал. Зато два других щупальца, все еще мелко подергивающихся, распластались по ветвям... и возле одного из них лежало копьё.

Вскоре выяснилось, что это не простое оружие. Эрланга, более-менее пришедший в себя, уселся, вытянув ноги, взял копьё и положил себе на колени.

– Оно тоже живое! – воскликнула Арлея, рассматривая длинное хитиновое образование, почти треугольное в срезе, с утолщением-тельцем на одном конце и крупными зазубринами на другом. – Нет, было живым, а теперь... вроде мумифицированное, да?

– Муми-чего? – спросил юнец. – А тут, глядите, глазки у него. Тока узкие совсем и еще теперь твердые, во дела!

– Его как-то высушили, – предположила девушка, – а древко с наконечником – это на самом деле его язык, просто очень длинный. Туловище маленькое, а язык...

– А, точно! – обрадовался Эрланга, наконец сообразив. Он привстал, взмахнул копьём, затем добавил: «Удобно», – и забросил на плечи котомку.

– Пушку не забудь, – проворчал Лиг, беря свою поклажу. – Ну что, ваш'милость, идем? Оно все чудноёе, конечно, но бабы те крашенные вместе с капитаном все дальше от нас, надо за ними топать, раз уж так далече зашли.

Ветви слегка прогибались, но это почти не мешало. Путешественники обошли сросшегося с кальмаром повержен-

ного медузоида, из ран которого сочилась прозрачная пузырящаяся жижа, и направились между деревьями в ту сторону, где внизу увидели стену пухового тумана. Под юнгой ветви прогибались куда сильнее, чем под спутниками, – он топал будто по натянутому одеялу, которое почти на пол-локтя вдавливалось под его весом.

Путешественники успели пройти совсем немного, когда Лиг вдруг остановился и принялся чесать затылок.

– Что? – спросила Арлея, выглядывая из-за его плеча. – Эрланга, стой! Лиг, что ты там углядел?

– А ведь ветви в одну сторону... – проворчал боцман, садясь на корточки. – Глядите, ваш'милость... те, что назад, против нашего движения, – те короткие, а те, что вперед, – они длиннющие, а?

Арлея, присев рядом, несколько мгновений не могла понять, о чем он говорит, но после сообразила. Образующие полог ветви были разной длины и росли по определенной системе: в одну сторону тянулись короткие, в другую – длинные. Она подняла голову, глядя вперед, потом сказала:

– Светило там, куда мы идем. Может, это как... ну, как мох? Растет на стволах больше с той стороны, где холоднее, потому что ему тепло не очень-то нравится, он влагой питается, а свет ее выпаряет? А тут наоборот – длинные ветви там, где света больше...

– Может, и так, – согласился боцман, выпрямляясь. – Да токмо чересчур уж они длинные. Как лианы... о, а вон лиана,

точно! И вторая! И еще!

Впереди, примерно на высоте головы, от ствола горизонтально шла лиана, дальше виднелась другая, потом третья – Арлея поймала себя на мысли, что они напоминают протянувшиеся параллельно балки, на которые теперь осталось уложить доски крыши.

– Совсем необычно, – сказала она. – Идем, кажется, сейчас увидим, наконец, что это там шумит.

Гул звучал совсем близко. Еще несколько шагов – и путешественники вошли в пелену пухового тумана, теплую, пронизанную светом. Туман поднимался снизу, из-под веток... которые вдруг закончились. Вернее, исчезли вплетенные в полог короткие поперечные ветви, а длинных продольных стало гораздо меньше. Они резко изгибались, уходя из-под ног. Впереди был каменный склон. Не отвесный, но крутой, по нему скатывался поток эфира – настоящий облакопад.

– Ложись! – рявкнул Лиг, падая на живот. – Да не торчите вы на виду, лягте быстро!

Склон выводил в небольшую долину, притаившуюся посреди джунглей Гвалты. Внизу был облаком, эфирное озеро, слева и справа берега его венчали два заросших травой покатых холма. Открывшийся с вершины пейзаж посверкивал, переливался яркими красками под лучами светила, помигивал искрами, слепил глаза.

Протянувшиеся от желтых деревьев длинные ветви и лианы образовывали нечто вроде древесной сетки над широким

потоком облаков, с шумом текущих вниз с крутого уклона. Она шла наискось, под склоном изгибалась и тянулась дальше над озером.

Арлея подумала, что желтые деревья были чем-то вроде щупалец, которые чужое пространство распластало по Аквалону вокруг себя. А внизу, за облакоемом, находилось тело незнакомого мира.

\* \* \*

Уги-Уги толкнул слабо упирающуюся Нахаку перед собой – сделав несколько семенящих шагов, она остановилась посреди пещеры. Огляделась, закрыла лицо узкими ладошками и опустилась на колени, чтобы не видеть окружающего. Стоящий за поворотом короткого каменного коридора монарх прислушался, не услышав ничего подозрительного, вошел следом.

И увидел мертвецов. Причем часть их не лежала на полу, но короткими кривыми копьями была пригвождена к стенам, которые, насколько толстяк знал, состояли здесь не из камня.

Судя по открывшейся картине, в пещере произошло нешуточное сражение. Примерно две трети трупов принадлежали охранникам, хотя иногда трудно было отличить надсмотрщика от раба – разве что первые менее грязные и тощие.

Нахака застыла, сидя с поджатыми ногами. Разглядев в дальнем конце пещеры широкую дыру, Уги-Уги направился туда, на ходу схватил девушку за волосы, заставил ее встать и потащил за собой. Монарху хотелось есть и пить, а разум его бунтовал: уже долгие годы он не отказывал себе ни в чем, выполняя малейшую прихоть своего привыкшего к неге тела и любой каприз своего извращенно-изобретательного рассудка. И вдруг – он низвергнут, его не окружает толпа заботливых слуг, к нему не бегут с подносами, кувшинами, опахалами и маслами по первому зову, никто не охраняет монарха, и лишь девчонка, слишком тупая, чтобы от нее могла быть хоть какая-то польза, все еще с ним...

Толстяк остановился, услышав шум впереди. Кажется, отсюда недалеко было до места, где несколько рабов добывали последние, самые мелкие алмазы, ну а дальше уже начинался спиральный туннель, опоясывающий провал и ведущий к пещере с алтарем сближенцев.

Коридор здесь круто поворачивал; толстяк, схватив Нахаку за плечи, поставив перед собой, пихнул в спину. Чуть не упав, девушка сделала несколько шагов и скрылась из вида. Через мгновение раздался вскрик, полный ужаса, а после – глухой топот, хруст, дробный перестук... Уги-Уги решил было, что лучше ему пока остаться за поворотом, а то, может, и отступить назад... Он даже повернулся – и увидел, как по коридору к нему приближаются измазанные грязью мужчины в набедренных повязках, с палками и ржавыми ножами в

руках. По дороге сюда он и Нахака миновали пару отверстий, слишком узких, чтобы толстяк мог пролезть в них. Скорее всего рабы появились оттуда. У него имелся пистолет и другое оружие, но Уги-Уги решил не использовать его пока, ведь боезапасов не было. Один раб что-то глухо сказал другим, и они побежали, хотя не очень быстро: слишком уж были измождены.

Толстяк достал пистолет и нож, попятился, слыша за спиной все те же звуки, развернулся и прыгнул в пещеру, которой заканчивался коридор.

Нахака исчезла; перед ним на пауноге восседал Владыка Нижних Земель. Кончики трех расправленных веером щупальцев были погружены в шею под затылками троицы рабов. Одновременно переставляя ноги и размахивая руками с зажатыми в них дубинками, марионетки защищали Лан Алоа от небольшой толпы рабов, которым приходилось сражаться на два фронта: с другой стороны, спрыгивая с завала камней под стеной, на них наседали длинноволосые безумцы с уродливыми полужвериными лицами и ярко-рыжими глазами.

Уги-Уги знал про безкуни – это были они. Монарх остановился в растерянности, не зная, что предпринять. Тут один из рабов вонзил нож в живот управляемого пауногом человека. На марионетку это особого впечатления не произвело, он не вскрикнул и даже не вздрогнул, хотя клинок погрузился до рукояти. Дубинка опустилась на голову раба и разmoz-

жила ее — но потом человек-кукла сбился с шага. Лан Алоа мог подчинить его разум, но не способен был поделаться чем-нибудь с повреждением внутренностей. Двое других все так же отбивались от рабов, а движения раненого стали вялыми. Руки повисли вдоль тела, дубинка упала. Еще мгновение он стоял, затем кончик щупальца выскользнул из раны в затылке, и тело повалилось на пол.

В просвет между двумя марионетками нырнул высокий худой лигроид, краснокожий с Прадеша. Успев заметить блеснувший в его руке стеклянный нож, Уги-Уги метнулся вдоль стены, мимо наседаящих на рабов безкуни и завала камней, стараясь обогнуть место сражения по широкой дуге. Увидев еще один проход, помчался к нему, на ходу оглянувшись. Лигроид сумел забраться на паунога. Крепко обхватив пухлое тулово ногами, он сидел позади Лан Алоа, одной рукой сжимая шею Владыки Нижних Земель, а другую, с ножом, занеся над его головой. Тварь покачивалась, внутри нее что-то булькало. Алоа, выдернув запястья из складок на мягкой лиловой спине, пытался отбиваться, марионетки уже не дрались, со всех сторон окруженные рабами... Споткнувшись о тело раненого и чуть не упав, Уги-Уги достиг прохода и лишь тогда оглянулся еще раз: марионеток не стало видно, а пауног еще мгновение висел в воздухе, после чего рухнул на каменный пол и тут же оказался погребенным под грудой тел, над которой вдруг взметнулся полный гнева, отчаяния и ужаса вопль Лан Алоа.

Дальше монарх не смотрел. Он помчался вниз по плавно изгибающемуся туннелю, видя вокруг следы побоища и вопя:

– Нахака! Нахака, ко мне!

Наложница не отзывалась.

## Глава 4

Обратный путь Гана преодолел быстро. Очутившись возле колонны и выставив из-за нее голову, он с удовлетворением понял, что Укуй еще не добрался сюда и не дал знать об опасности. Увидел он и другое: Камека не спустил в облака вторую лодку, где должен был ожидать возвращения своего врага. Тулага так и предполагал – онолонки с самого начала приказал туземцам убить пассажира, как только сокровища будут извлечены из эфирного пуха. А скорее даже не убить, но оглушить, чтобы привезти обратно на ладью и позволить расправиться с ним самому Камеке...

Так или иначе, Укуй мог появиться в любое мгновение, но неизвестно, откуда именно он всплывет в портик. Окон и дверных проемов сюда выводило несколько, так что подкараулить туземца не представлялось возможным, и потому Тулага, набрав полную грудь воздуха, опять ушел под облака.

«Небесные паруса» стояли не слишком далеко от святилища, Гана вынырнул под самым бортом. Положив ладонь на изогнутый железный щит, что прикрывал газовый куль, задрал голову: покато изгибаясь, борт тянулся на много локтей ввысь, и ни одного силуэта над ним видно не было. По железу спускалась кукурилла, двойная улитка, – пара липких мешочков на концах мускульной пружинки. Она кувыркалась, прилипая то одним мешочком, то другим – каждый, по су-

ти, являлся отдельной особью, живущей в симбиозе. Редкие твари; мякоть двойных кукурилл хорошо залечивала раны, а если ее перемолоть и смешать с некоторыми другими веществами, превращалась в дорогостоящую специю.

Он поплыл к корме. Немного выше уровня облаков между двумя щитами был вонзен тонкий гвоздь. Вошел совсем неглубоко – щиты очень плотно подгоняли друг к другу, – но все же достаточно, чтобы удерживать вес надорванного у горловины большого кошель, висящего на длинном шнурке.

Гана оглянулся на святилище, вновь посмотрел вверх. Подгребая ногами, чтобы плечи оставались над поверхностью, снял с гвоздя шнурок и перекинул через голову. Из кошель достал железный прямоугольник с почти сотней вонзенных в него световых игл, полученных в провале от бул-тагарца Траки Неса, хитиновую трубку и рукоять, похожую на тельце гигантского кузнечика с круглым розовым отверстием на конце. Когда Гана вставил ствол в рукоять, та тихо чмокнула. Фавн Сив сказал, что это называется «крон» – живой пистолет, стреляющий световыми дротиками.

Сжимая его в правой руке, Тулага добрался до лоцманского трапа, нижняя часть которого достигала облаков, и пополз. Сверху доносились приглушенные голоса и звук шагов. Пока что на ладье никто не встревожился.

Он преодолел треть расстояния, остановился, прислушиваясь, вновь стал подниматься. Живой пистолет был зажат в правой руке. Когда Тулага поднялся еще на несколько лок-

тей, со стороны святилища донесся вопль.

Каким-то образом Укуй забрался на крышу здания и теперь, стоя на краю, кричал, размахивая руками. На ладье раздался ответный крик, затем топот ног.

Продолжая подниматься, Гана запрокинул голову, вытянул руку с пистолетом. Над краем борта возникла фигура, матрос наклонился... Пистолет чихнул. Дротик, оставляя за собой тонкую световую линию, пронесся вверх и впился в смуглую грудь. Заорав, матрос отпрянул, после чего раздался звук упавшего тела.

Спустя несколько мгновений на палубе воцарилась тишина. Гана за это время успел преодолеть оставшееся расстояние, но выглядывать не стал: скрючился под бортом, прислушиваясь. Быстрые шаги, что-то скрипнуло... вновь тихо. Гана выставил голову, поворачиваясь, скользя взглядом по палубе.

На носу гроыхнул выстрел, пуля расщепила дерево рядом с подбородком. Стрелял капитан Тук-Манук – слева от рубки мелькнул его силуэт. Перевалившись через борт, Гана покатился по палубе.

Некоторое время он лежал, распластавшись на досках и глядя вперед. Затем осторожно поднялся, выпрямился во весь рост с кроном в вытянутой руке.

Ничто не шевелилось, он не видел ни одного человека. На ладье оставались двое матросов, боцман, капитан и Камека. И лишь последний принадлежал к племени онолонки – это

внушало надежду. Отсюда Тулага не мог разглядеть носа ладьи. На палубе лежали несколько бочонков, ящики, бухты канатов, стояла лебедка... везде можно было спрятаться.

Он пошел вперед, очень медленно переставляя ноги. Левая рука расслабленно висела вдоль тела, правую он согнул, прижав локоть к боку. Со стороны святилища вновь донесся крик Укуя, и все стихло. Тулага бесшумно переставлял ступни по доскам, прислушиваясь. Тишайший шелест облаков, отдаленное хлопанье крыльев чайки, парящей где-то над рифами... Ветра не было, над облачными просторами Сна стояла жаркая, удушливая тишина.

Расплывчатая тень мелькнула у ног, и Гана вскинул руку. Световой дротик впился в шею матроса, который, перегнувшись через край наблюдательного гнезда, замахнулся багром.

Туземец со вскриком повалился вниз. Гана отпрянул, позволив ему упасть у своих ног.

Матрос дернулся и затих. Вновь все замерло на палубе ладьи. Постояв, Тулага направился дальше. Он не смотрел никуда конкретно, взгляд расплылся и был устремлен словно в пустоту – но таким образом улавливал куда бо€льшую часть того, что находилось и происходило впереди. Палуба и надстройки превратились в застывший светлый фон с расплывшимися по нему очертаниями предметов, малейшее движение сразу бросалось в глаза. А еще Гана не пытался вслушиваться, то есть не прилагал усилий к этому: все шумы сли-

лись и стали плоскостью, шершавой поверхностью, и каждый звук, который оказывался громче или резче других, обращался выступом, острой иглой, внезапно выскакивающей из нее: он словно колол Гану, после чего его голова и ствол пистолета мгновенно поворачивались к источнику.

Когда он миновал мачту, впереди скрипнуло... Голова и рука дернулись, крон чихнул – матрос, привставший из-за бочонка с обрезом на изготовку, повалился на спину. Тут же из-за правого борта прыгнул боцман, до того висевший по другую сторону над облаками. Гана опрокинулся назад, выпустив крон, уперся согнутыми ногами в живот туземца. Кончик тесака пронесся мимо лица, царапнув щеку, вернее, серебристый шрам, оставшийся от вымазанной гношилем раны. Тулага резко двинул ногами, перебрасывая тело через себя.

Со стороны носа донеслось восклицание, топот. Гана прыгнул на боцмана, который, выпустив при падении тесак, попытался выпрямиться; навалился на него, толкнув лицом вниз, схватил оружие и вонзил широкий клинок между лопаток. Когда скатился с дергавшегося тела – гроыхнул выстрел, пуля впилась в доски. Гана к этому времени уже стоял на коленях, протягивая руку к живому пистолету.

Он развернулся, поднимая крон и заваливаясь на спину, выстрелил – и одновременно подбегающий капитан, направив ствол в лоб Ганы, нажал на курок во второй раз.

Пуля прошла вскользь, выдрал клоч волос вместе с тон-

ким лоскутом кожи надо лбом, а дротик впился в живот моряка. Зрачки Тук-Манука мгновенно расширились, он сделал шаг, второй – из живота сочилась кровь вперемешку со светом, – взмахнул руками и замертво повалился на палубу.

Гана сел. Лоб саднило, на лицо стекала теплая струйка. Не увидев никого, – впрочем, между ним и носом оставалась еще приземистая рубка, – он на четвереньках подобрался к боцману. Зажав пистолет под мышкой, стащил с моряка матерчатый пояс и обмотал голову, затянув узел на затылке.

Очень медленно он пошел вперед, морщась от боли. Рана была поверхностной, но доставляла большие мучения. В голове слегка звенело, Тулага ощущал слабость.

Пройдя вдоль стены рубки, присел и быстро заглянул в раскрытую дверь, выставив перед собой пистолет... нет, внутри онолонки не было.

Скрипнула палуба. Гана резко выпрямился, поворачиваясь, краем глаз видя фигуру, – и замер, так и не вскинув пистолет. Он стоял возле угла рубки. Камека же находился у полубака; в левой руке держал пуу, в правой – стеклянный нож Тулаги и молча глядел на врага.

Они застыли, пытаясь уловить малейшее движение. Оба не моргали – чуть сощурившись, чтобы лучше видеть, неотрывно смотрели в глаза друг другу. Это длилось долго: время затаило дыхание, облачные перекаты заledenели, и Аквалон уже не летел между исполинских колонн, приближаясь к своей гибели, но повис в неподвижности над затянутой се-

рым маревом далекой поверхностью.

Потом рука Камеки дернулась.

Онолонки успел первым.

Но допустил ошибку, решив убить врага его же оружием, использовав стеклянный нож, а не топорик, в обращении с которым имел куда больше опыта.

Тулага ощутил удар и резкую боль. Стеклянный клинок пробил плечо над сердцем, отбросил тело назад. От неожиданности пальцы сильно сжались на рукояти крона, указательный вдавил клапан-курок так, что тот целиком вошел в жесткую кожу живого оружия. Пистолет не просто чихнул – с клокотаньем и хлюпаньем выплюнул дротик, который, вонзившись в переносицу Камеки, целиком исчез внутри. Онолонки успел понять, что не убил врага, он даже попытался отвести в сторону левую руку, чтобы метнуть пуу. Голова его откинулась, на миг обратившись лицом к небесам, взорвалась – полыхнув ярким светом, разлетелась темно-красными сгустками и черепками.

Тело упало на палубу. Выпустив крон, Гана стоял под рубкой, ощущая тошноту и головокружение. Две горячие струйки текли по спине и груди, стеклянный клинок жег, как раскаленное железо. Кончик его, выступивший над левой лопаткой, глубоко вошел в дерево.

Мало-помалу в голове прояснилось, сердце стало биться спокойнее. Прикрыв глаза, Тулага обеими руками ухватил каменную рукоять и тщетно попытался вытащить нож. Сда-

вившие рукоять пальцы начали болеть от напряжения. Он расслабил их, помедлил немного, схватил вновь и дернул изо всех сил.

Брызнула кровь. Тулага упал на колени, привалившись плечом к стене рубки. Встал на четвереньки, свесив голову, пополз. Руки подгибались, перед глазами плыло, в голове прокатывались волны звона – то громче, и тогда окружающее пространство начинало бледнеть, растворяясь в тусклой синеве, то тише, и тогда предметы вокруг становились четче.

Корабельные коки часто выполняли еще и роль врачей. Добравшись до камбуза, Гана нашел шкафчик с лекарствами и замазал раны мазью на основе облачного пуха, смешанного с целебной глиной и травами. Стянул плечо бинтом, перевязал голову. Обнаружив в соседнем шкафчике бутылку тростниковки, сделал несколько больших глотков прямо из горлышка.

Стало лучше. Рана на груди была не очень опасной, просто болезненной. К тому же она не сильно мешала движениям руки: сделанный в Тхае стеклянный клинок, более острый, чем даже хорошая новая бритва, аккуратно прорезал ткани, а не превратил их в лохмотья.

Ладья была в его распоряжении. Выбравшись обратно, Тулага первым делом поднял лежащий на палубе крон, после чего забрался на крышу рубки и огляделся. Больше здесь не осталось никого живого, хотя на безымянных рифах он был не один, где-то в святилище прятался Укуй...

Вскоре Гана различил одинокую фигуру на белой гранитной крыше. Моряк сидел на краю, свесив ноги, и глядел в сторону «Небесных парусов». Заметив человеческий силуэт, туземец радостно замахал руками и тут же, узнав Тулагу, вскочил.

– Плыви сюда! – прокричал он, но Укуй лишь попятился.

– Я не убью тебя! – продолжал Гана. – Эй! Вдвоем мы можем управлять ладьей! Слышишь, я не собираюсь тебя... – Он замолчал. Развернувшись, туземец побежал прочь и сразу исчез из виду.

Гана прошелся по палубе, сбрасывая тела за борт. Затем встал на носу, размышляя. Управлять эфиропланом в одиночку было невозможно, к тому же сундук с драгоценностями ратников сближения оставался там же, где лежал; а ведь Гана приплыл сюда не чтобы расправиться с командой «Небесных парусов», но за сокровищами...

Он все еще ощущал слабость и понимал, что соваться к пауногу сейчас нельзя – нужно поесть и хорошо выспаться. Гана сомневался, что Укуй отважится приблизиться к ладье, слишком труслив. В любом случае на ночь можно запереться в капитанской каюте, стащив туда весь находящийся на ладье порох, оружие, ножи из камбуза и все средства, при помощи которых можно развести огонь. Даже если Укуй заберется сюда, что он сделает, не имея возможности ни напасть на врага, ни уплыть на ладье, ни поджечь ее? Тулага поднял правую руку, разглядывая каменный свисток, привязанный к

запястью коротким шнурком. Фавн Сив сказал, что при помощи этой штуки можно приманить паунога. Но не управлять? На то, чтобы научиться командовать этим существом, уйдет какое-то время. Обитающий под алтарем пауног отличался от тех, кого Тулага видел в провале посреди Гвалты. Но имелось и кое-что общее – например, складки, в которые можно вставить запястья...

Голова вновь начала кружиться, плечо ныло не переставая. В любом случае сейчас ему был необходим отдых, и Гана направился в камбуз, чтобы поесть.

\* \* \*

Окутанный блеклым светом осколок чужого мира напоминал моллюска размером с дворец Рона Суладарского. Будто покатая гора, приземистая и с обширным основанием, высилась между деревьями по другую сторону озера. Желеобразное вещество испещряли расположенные на разной высоте отверстия, похожие на окна в многоэтажном доме. То и дело там пролетали медузоиды. Гору, испускающую бледно-желтое свечение, окутывали белесые нити, как если бы ветер принес откуда-то с неба паутину и швырнул на исполинский горб посреди джунглей. Впрочем, приглядевшись внимательнее, Арлея решила, что на самом деле все обстоит не так: это желейная гора произвела на свет нити, вырастила, выпустила из себя. Ближе к облакопаду они вытягивались,

становились все более плотными, желтели, шли параллельными рядами над озером, потом наискось вверх, вдоль склона... и становились ветвями деревьев, по которым девушка, юнга и боцман добрались сюда.

– Вы видите? – прошептала она. – Это же... выходит, эта штука, моллюск этот здоровенный, сросся с нашими деревьями и... он как бы изменил их, сделал частью себя.

Спутники молчали; Эрланга вряд ли вообще что-либо понимал, а боцман лишь хлопал глазами, разглядывая неспешное движение множества тел, казавшихся на таком расстоянии крошечными: медузоиды и кальмары влетали или вползали в... во что? Поселение? Город? Иную среду обитания, каким-то образом сумевшую закрепиться посреди Гвалты?

В этом месте над джунглями возвышалось великанское желтое дерево с короткими ветвями, моллюск был словно надет на него: темное основание ствола смутно виднелось в его середине, а крона торчала сверху, прорвав полупрозрачную мягкую «спину».

– Вырастил, – сказал боцман, и Арлея оглянулась на него.

– Что?

– Этот... эта гора прозрачная вырастила дерево. Из себя вырастила, а?

Девушка вновь посмотрела. Рядом с кроной в воздухе висели какие-то вытянутые тела сглаженных очертаний, от них к ветвям тянулись едва заметные нити. Будто корабли, пришвартованные возле причалов, подумала она.

Еще раз окинув взглядом открывающуюся картину, Арлея окончательно убедилась в том, что густое дымчатое сияние испускает именно желеобразное вещество. Более того, создавалось ощущение, что свет являлся частью желе, как если бы эта прозрачная субстанция была тем же светом, только сжатым до состояния, когда он становился пусть и мягким, податливым, но вещественным. Четкой внешней границы у расползающегося вокруг моллюска рыжевато-голубого облака не было, скорей оно напоминало бледный туман, который постепенно редел и в конце концов исчезал, уступив место обычному воздуху.

Сбоку, на самом краю зрения, что-то мелькнуло. Повернувшись, Арлея различила вдалеке нескольких полуголых женщин, смуглых до черноты, с раскрашенными в разные цвета лицами и перьями в волосах.

– Вижу их! – сказала она. – Эти, за которыми мы... они в туман заходят, в этот свет. А где капитан? Почему они Тео не тащат? Неужели убили по дороге и бросили?

– А вона, сверху... – произнес Эрланга.

– Где? – спросила она, рыская взглядом из стороны в сторону. – Что ты увидел?

– Да на дереве этом, на ветке он сидит, капитан-то наш.

Она поглядела – и наконец заметила Теодора де Смола. Некоторое время Арлея молча смотрела, затем поднялась.

– Ну конечно, он-то хорошо устроился, – пробормотала она сквозь зубы.

– Да выдержат они меня, точно, – заверил Эрланга и для пробы топнул ногой по ветвям-лианам. – Там же шел по ним, так чего б и дальше...

Арлея возразила:

– Там они переплетены были, а над склоном, видишь, рядами тянутся... Пушка тебе не мешает?

– Та не... – протянул он, садясь на корточки, а после верхом на лиану, что тянулась вниз, к озеру. Юнга стал сползать на зад, с горлянкой за плечами, свободной рукой держась за соседнюю лиану, которая находилась в паре шагов правее.

Арлея и Лиг, все еще стоя на вершине, переглянулись.

– Ну так чего, и мы тоже... – сказал боцман.

– Давай, – неуверенно согласилась она.

Они быстро нагнали неповоротливого юнгу. Поток облаков шелестел, бурлил и пенился под ногами. Если бы склон был хоть немного более отвесным, спуск стал бы невозможен, но сейчас путешественники, хоть и с трудом, сползали к облачному, под которым виднелся ряд невысоких желтых деревьев – именно там лианы меняли направление, вновь становились горизонтальными.

По дороге Арлея еще раз взглянула на крону растущего посреди железной горы дерева. Она отчетливо увидела самую длинную и прямую ветвь и восседающего на возвышении Тео Смолика. Вокруг было несколько женщин. Арлее показалось, что они, во-первых, голые, во-вторых, стоят на коленях.

А еще ей показалось, что вид у Смолика крайне довольный – или даже самодовольный. Ну а то, на чем он сидел... быть может, трон? Хотя, наверное, эту подробность добавило уже ее воображение.

Ей даже стало обидно: хотя во время путешествия через джунгли они не испытывали каких-то особых лишений, но, кажется, капитану было сейчас куда лучше, чем его спасителям.

Вскоре выяснилось, что под склоном на краю озера находятся не деревья, а нечто вроде рогатин: вбитые в землю кольца с расщепленными верхушками. Лианы были обмотаны вокруг них и тянулись дальше. Впереди шелестело озеро, дальний берег был окутан желтым туманом – он постепенно густел и превращался в желе, из которого состояла гора. Там летали грушеобразные тела со щупальцами, иногда сквозь желтую муть проступали силуэты кальмаров. И двигалось еще что-то, совсем небольшое и быстрое...

Из-под кола вдруг взлетел медузоид, вынырнул прямо из облаков. Зарывав, Эрланга выхватил нож и в два счета раскромсал беднягу на кусочки. Арлея только успела моргнуть, как месиво, в которое превратилась тварь, уже вскипело пузырящейся пеной и, трепеща обрывками щупальцев, рухнуло обратно в озеро.

– Зачем ты? – растерянно спросила она, а затем с подозрением уставилась на здоровяка. – Слушай, а тот, вначале... он на тебя напал или ты его просто так порезал, как и этого?

Ну того, который с кальмаром сросся...

Эрланга не отвечал, и девушка повысила голос:

– Чего молчишь? Ну точно, он тебе вреда не собирался причинять, а ты...

– Мерзкие гады они! – почти выкрикнул юнга в ответ. – Не могу даже глядеть на них, ваша милость! Он же меня схватил, вверх дернул. Там бросил – и давай рассматривать, пылиться... Не этот, медузный, а тот, что на спине у него, – у тех же глаза есть, да такие... непонятные такие. Их всех пожечь надо вместе с этим... с горой этой прозрачной – взорвать всех!

– Ты их, наоборот, против нас так настроишь! Понимаешь или нет? Мы ж не знаем, не понимаем ничего про них, а ты... – Девушка опомнилась, сообразив, что говорит слишком громко и сама может привлечь внимание. Но она разозлилась из-за того, что увидела на ветке, разозлилась на Эрланга и почему-то на ни в чем не повинного Лига. Вся затея, вся спасательная экспедиция показалась ей вдруг глупой и нелепой – заберутся они в крону этого дерева, а Тео встретит их словами: зачем пришли, уходите назад! Здесь тепло, кормят хорошо и бабы вокруг голые, не хочу никуда отсюда...

Она мотнула головой и спрыгнула с лианы. Опустившись до пояса в облака, направилась в сторону железной горы – лианы оказались теперь на высоте плеч. Воздух пожелтел, хотя до светящегося тумана оставалось еще пару десятков шагов. Моряки тоже слезли и медленно пошли по сторонам

от хозяйки. Мимо лица что-то пролетело, Арлея отпрянула, машинально взмахнув рукой, словно муху ловила. Остановившись, внимательно посмотрела перед собой, перевела взгляд на Лига, вновь глянула вперед.

В воздухе перед ней возникло нечто вроде расплющенного червяка: почти плоское тело без головы и хвоста, полупрозрачное, внутри усеянное бледно-зелеными пятнышками. Извиваясь, оно не то проплыло, не то пролетело наискось и пропало из виду – но неподалеку Арлея заприметила еще одно существо, а потом еще одно, другой формы, напоминавшее скорее жука.

– Ваш’милость, мы прям туда так и войдем? – спросил боцман.

Девушка и сама уже некоторое время размышляла над этим. Она остановилась, положив руку на лиану, которая теперь находилась ниже, на высоте пояса. Все трое поглядели вверх: закутанная в одеяло желтого света гора-моллюск высилась над ними.

Стало хорошо видно, что чужое пространство полно жизни. Там даже деревья росли. Свалившись на Аквалон, моллюск не сломал их, но как бы впустил, вобрал в себя, хотя высоты растений было недостаточно, чтобы, подобно центральному дереву, в кроне которого находился сейчас Тео Смолик, выступить над желейным веществом. Еще там виднелись темные силуэты и светящиеся сгустки, висящие на разной высоте, какие-то трубы и коконы, будто сотканные из

ваты.

– Как добраться до капитана? – спросила Арлея. – Дикарки его туда затащили. А нам что делать? По-моему, эти... эти существа, медузоиды с кальмарами, не очень-то злобные. Просто войдем внутрь, до дерева доберемся, поднимемся, залезем по нему как-нибудь... Вот там уже придется с людьми разбираться, с серапихами то есть, которые вокруг Тео расселись. Но как-нибудь справимся, у нас ведь оружие. Заберем капитана, спустимся и уйдем. Никто нам ничего не сделает, правильно? – Она поглядела на спутников. Боцман с виду оставался спокоен, а вот у юнги лицо было серым. – Эрл! – повысила голос девушка. – Слышишь? Слышишь, что я говорю?

Он повернул к ней голову, при этом не отрывая глаз от плоского прозрачного тела, быстро плывущего мимо в потоке желтого света.

– Ваша милость... – пробормотал юнга, с ненавистью глядя на загадочное существо.

– Эрл, не вздумай бросаться там на них! Я понимаю, тебе не нравится, но... Короче, иди за мной, за нами с Лигом, и никого не трогай. Понял? Ты понял?

– Ага, – проямлил он наконец.

Кивнув, Арлея развернулась к прозрачной горе. До того места, где световой туман густел, оставалось совсем недалеко. Взявшись за рукояти пистолетов, она вздохнула и сделала шаг. Но второй сделать не успела.

Пещеру озаряли большие, размером с человеческую голову, прозрачно-зеленые наросты, кругами растущие на своде. Под ними стояли хижины из веток и камней, лежали тела мертвых рабов и надсмотрщиков.

Уги-Уги присел под хижинной, осторожно выглядывая из-за угла, затем вскочил и перебежал к возвышению из глыб, уложенных неподалеку от каменного строения, в котором, насколько помнил монарх, обитал Лан Алоа.

На круглом алтаре был распят надсмотрщик-метис: запястья и ступни пробиты железными штырями, концы которых глубоко вошли в мягкий камень. Уги-Уги окинул мертвеца быстрым взглядом, посмотрел назад, на разрушенные ворота, через которые проник в пещеру, и тяжело полез на алтарь. Темно-синие тела заколыхались, беглец мучительно скривился, вытянувшись на цыпочках, но не смог дотянуться до свисающего со свода большого округлого кисляка. Глянув под ноги, монарх упер ступню в грудь мертвеца, приподнялся, вторую ногу поставил на живот. С трудом балансируя, вскинул пухлую ручку и кулаком ударил по кисляку, с которого сочился зеленый свет, сбил его на пол. Соскочив, монарх упал на колени и принялся пожирать кисляк. Тот был большим, сочным и пищал на зубах, а по вкусу напоминал мякоть парусного моллюска, политую добытым из тростни-

ка сахарным сиропом.

Чтобы утолить голод, Уги-Уги понадобился бы десяток таких моллюсков, да еще и полная тарелка вяленых этикений, но, по крайней мере, у него перестала кружиться голова и прошла жажда. Когда он уже дожевывал последние кусочки, то и дело икая и пуская изо рта тусклые пузырьки света, со стороны ворот в пещеру проник шум. Сплюнув, Уги-Уги попятился на корточках, напоминая кожаный куль эфиروплана, у которого выросли короткие, заплывшие жиром ноги и руки. Привстав с пистолетом на изготовку, монарх увидел, как в пещеру вбегают рабы во главе с тем самым лигроидом, который первым запрыгнул на паунога. Монарх не сразу узнал предводителя бунтовщиков – на макушке того каким-то образом удерживался скальп из длинных, маслянисто-черных волос Лан Алоа.

Рабов осталось едва ли полтора десятка, остальные погибли в схватке. Лигроид что-то выкрикнул, беглецы рассыпались в разные стороны, наклонились и сразу выпрямились. Одновременно в пещеру вбежало множество безкуни, и тут же со всех сторон в них полетели камни. Раздался стук, несколько желтоглазых упали. Краснокожий закричал вновь, рабы помчались в сторону алтаря и притаившегося за ним монарха.

Тот не медлил. Пол этой пещеры был слегка наклонным, в нижней ее части виднелся полутемный зев, скорее всего, начало очередного коридора, который вливался в сеть тун-

нелей, окружавших провал. Там запросто можно было потеряться и погибнуть, но выбора не было, и монарх побежал прочь от рабов.

Прислушиваясь к мягким тихим шагам, он притаился в полутьме, нарушаемой лишь свечением сморщенного кисляка. Лабиринт мягкого камня здесь заканчивался, дальше лежали громадные пласты желе с протянувшимися между ними и сквозь них изогнутыми трубами, полостями и повисшими над зеленоватой бездной укромными пещерками. Там, в бесконечных глубинах, шла тихая потаенная жизнь, но здесь, на границе мягкокаменных и желейных массивов, было пусто и тихо. Уги-Уги сидел в глубокой нише, притаившись, будто огромная жаба, мягкое жирное чудовище, готовое в любой миг выпростать длинный липкий язык и слизнуть пролетающую муху, зазевавшегося кузнечика или жука.

Он вслушивался в шаги и готовился прыгнуть на того, кто шел мимо.

Человек приблизился – и толстяк тяжело выпал из ниши, расставив руки, в одной из которых был пистолет. Нахака вскрикнула, когда хозяин подмял ее под себя. Ноги девушки подкосились, и она очутилась под громоздким телом, которое навалилось сверху, вдавило ее в пол.

– Ты? – выдохнул Уги-Уги, садясь. – Хотела сбежать от нас?!

Он ударил ее, лежащую на спине, по левой щеке – раз, второй, потом тыльной стороной ладони хлестнул по правой

скуле, затем, сжав руку в кулак, обрушил его на лицо. Голова Нахаки моталась из стороны в сторону, глаза были закрыты, она не издавала ни звука. С разбитых губ текла кровь, и наконец монарх понял, что наложница потеряла сознание – скорее всего, сразу же, как только упала на пол.

Он сел и огляделся. Посмотрел на неподвижно лежащую девушку. Струящийся снизу, из железных глубин, свет обтекал тело, тонкие лучики пробивались сквозь спутанные волосы, окружая голову ореолом мерцания. Уги-Уги шумно вздохнул, встал на колени и, склонившись над Нахакой, впился губами в ее окровавленный рот.

Позже, когда она пришла в себя, сверху донесся звук шагов: толпа людей спешила оттуда, и беглецам пришлось спускаться, чтобы избежать новой встречи с рабами и безкуни. Уги-Уги волочил Нахаку за собой, изредка награждая ее пинками, ударами или щипками, а она молчала, лишь постанывала иногда. Уже долгое время монархом владело угрюмое злое недоумение, он не мог понять, как это возможно, чтобы в один миг все настолько изменилось: еще совсем недавно он был властителем архипелага и лишь Рон Суладарский мог приказать ему что-либо – как вдруг из хозяина мира превратился в жалкого беглеца, испуганного и голодного, трясущегося над своей жизнью... Разве такое может быть с ним, Уги-Уги? Да нет же, дело просто в том, что он нализался гношиля, слишком много втер его в свои распухшие от длительного употребления наркотика десны и теперь спит,

видя один из тех ярких страшных снов, которые часто посещают человека, употребившего мозг серапиона. Он не в пещерах под прииском, но в своей постели, это не явь – грёза! Монарх шел по мягкому стеклу, полз по трубам, толкая наложницу перед собой, пересекал пещеры, продолжая недоумевать, не веря в происходящее, отказываясь верить. Нахака со страхом косилась на хозяина, который – обычно разговорчивый, лукавый, подло-жестокий, всегда готовый сыграть с ней, другими девушками или слугами какую-нибудь неприятную, болезненную шутку – стал теперь на редкость молчаливым, лишь иногда будто взрыкивал, ворочая головой, думая при этом о чем-то своем.

Они шли, а вокруг них, в перекрученных, уходящих вдаль железных пространствах ползли световые черви, парили, медленно двигая щупальцами, сияющие медузы и катились шары рыхлого мерцания. Дважды монарх, преисполнившись вдруг какой-то яростной, мрачной решимости, овладевал наложницей, а потом бил, так что в конце концов лицо ее распухло, глаза превратились в узкие щелки. Затем, добравшись до рощицы прозрачных мягких деревьев, чьими корнями были погруженные в желе длинные световые жгуты, он невесту с чего вдруг вознамерился задушить ее – и почти преуспел в этом, но тут услышал шум, и лишь это спасло Нахаку. Из-за деревьев появились двое безкуни. Уги-Уги, чье лицо показалось девушке ликом безумного туземного божества, набросился на них с яростным ревом, одному про-

стрелил голову, а второго буквально располосовал на куски своим кинжалом.

Это немного успокоило его. Нахака на протяжении драки стояла на коленях и глядела перед собой остановившимся взглядом; он толкнул ее ногой в грудь, опрокинув на спину, схватил за волосы и поволок через рощу. Ей было больно, но, по крайней мере, повелитель уже не пытался убить ее.

Вскоре они достигли провала.

## Глава 5

Укуй прятался у кораллового выступа позади святилища, когда туда прилетел демон.

Утро только наступило. Хромоногий туземец скрывался на рифах уже три дня, не решаясь приблизиться к ладье. Он почти не ел – поймал лишь пару рыбешек – и ничего не пил. Бодрствовавший полночи из-за голода и жажды, он только-только проснулся и еще плохо понимал, что происходит. Туземец привстал, зябко обхватив себя за плечи, увидел что-то большое вверху, свисающие с него шевелящиеся отростки – и заорал так, что на другой стороне рифов взвилась в небо стая чаек.

Демон, паривший над Укуем, выглядел как вытянутый мясистый валик, с которого свисала дюжина толстых щупалец. Большое мягкое тело лоснилось, по бокам его выступали два тонких горизонтальных уха. И самое удивительное – в задней части была труба! Не железная или деревянная, нет, она состояла из хитина с радужно посверкивающими вкраплениями – короткая, изогнутая кверху, выходящая прямо из плоти, на которой в этом месте виднелась пологая сморщенная впадина. Из трубы шел сизый дымок и растворялся в прохладном утреннем воздухе.

Еще у твари были усы, белые и длинные, как у кошки, но толщиной с палец. Несколько отростков торчали из перед-

ней части и слегка шевелились, будто гладили воздух. Два щупальца под брюхом держали сетку, где покоился сундук.

Верхом на демоне восседал страшный пассажир «Небесных парусов», тот самый преторианец, что сначала ни за что ни про что ударил Укуя палкой – голова, кстати, болела до сих пор, – а после, как уже давно понял туземец, убил всю команду, включая капитана, и даже ужасного кривобокого онолонки.

Укуй заскулил, согнулся, прижавшись лбом к граниту, зажал глаза и прикрыл голову руками, желая отгородиться от этой картины, спрятаться: с перепугу туземец решил, что если он не видит, то и его не видно.

– Эй! – прозвучало сверху.

Он застыл.

– Сюда смотри! – повторил тот же голос.

Принадлежал он, без сомнения, преторианцу, который, как выяснилось теперь, являлся еще и повелителем демонов... ну да, конечно, ведь именно демоны и помогли ему расправиться со всей командой, сообразил вдруг Укуй, а как же иначе? Никакой человек в одиночку не смог бы...

К спине его прикоснулось что-то мягкое и теплое. Туземец всхлипнул. А потом, внезапно осознав, что именно допрашивается до него, застонал от ужаса, перевернулся на бок и наконец глянул вверх. Демон отплыл немного и снизился, так что щупальца согнулись, сундук опустился на риф. Преторианец хмуро рассматривал хромоногого.

– Убей Укуя... – вдруг прошептал тот в порыве отчаянной смелости. – Убей, но не мучай!

– Мне твоя жизнь не нужна, – прозвучало в ответ.

Несколько мгновений туземец пытался осознать услышанное.

– Не нужна... А те?

– Кто? – спросил преторианец.

– Онолонки. И капитан. И тот, кривой... Камека... Все?

Собеседник слегка пожал плечами.

– Не хотел убивать. Они мне мешали. Убили бы меня, если... Слушай, Укуй. Я сейчас улечу, а ты будешь дожидаться здесь. Тебе все равно в одиночку с ладьей не управиться. Но ты мог бы на лодке... Так я их продырявил, понял? Еда есть, значит, сиди на ладье и жди. Скоро или я назад прилечу, или люди здесь появятся. Я их предупрежу о тебе, чтоб не обижали. Будешь помогать им.

Укуй с самого начала этой речи кивал так, что чуть голова не отваливалась. По лицу его расползалась пока еще несмелая, но очень заискивающая и глупая ухмылка: туземец наконец осознал, что, быть может, повелитель демонов и не убьет его.

– Суладар хорошо знаешь? – внезапно спросил тот.

Лежащий на камнях еще некоторое время продолжал кивать, затем перестал, испугавшись, что разозлит преторианца.

– Да! – почти выкрикнул он, становясь на колени. – Укуй

знает, Укуй много лет плавает!

— Когда незнакомые люди сюда доберутся — покажешь им, где Маумау. Тот остров, на котором гварилки живут. Знаешь его?

— Да, да, да! — кивал Укуй восторженно.

Преторианец оглядел его и шевельнул плечом. Хромоногий теперь испытывал такую благодарность к пощадившему его, что на глаза выступили слезы. На протяжении разговора, пусть вначале он и был очень напуган, а после ошалел от радости, Укуй кое-как рассмотрел демона. Помимо трубы, усов и щупалец, была еще одна интересная подробность: вытянутое тело перетягивали тонкие ремешки, между которыми плоть вздувалась пузырями. Казалось, ремни состоят из того же материала, что и труба, но, будучи тонкими, они и более гибкие. Те два отростка, которые Укуй поначалу принял за уши, были просто кожаными полукругами, стоящими торчком по бокам тела. Снизу гладкие, сверху они заросли не то бледно-зелеными волосками, не то мхом. Туземцу показалось, что ворсинки чуть светятся. Когда демон снизился, Укуй увидел складки, в которые были вложены запястья преторианца. Теперь, когда тот шевельнул плечом, тварь отлетела в сторону от сундучка, так и оставшегося стоять на рифах, и опустилась еще ниже.

Повелитель демонов прыгнул с нее — длинное тело качнулось, внутри что-то булькнуло — и шагнул к сундуку. Частично освободив его от сетки, раскрыл крышку, покопал-

ся внутри и швырнул к ногам туземца что-то, блеснувшее в лучах светила. Укуй в первое мгновение не поверил своим глазам, а потом робко взглянул на преторианца, который уже вернулся на спину демона.

– Возьми себе.

И после этого он улетел, захватив сундук. Но Укуй не глядел вслед – он пялился на драгоценную статуэтку ратника Сближения, глазами которого были два небольших алмаза. В голове туземца кружился теплый искрящийся смерч из недоумения, недоверия и радости: он не только выжил – он разбогател!

\* \* \*

Кто-то схватил ее за лодыжку и дернул так, что Арлея растянулась во весь рост, с головой уйдя в облака. Она брыкнула ногой, пяткой ударила во что-то мягкое, захлебываясь, визжа от страха, но вместо крика издавая лишь приглушенное бульканье, потому что эфирный пух забил рот, – и все-таки сумела вырваться. Привстав, увидела множество уродливых силуэтов в ярком дневном свете, размалеванные рожи, невымытые патлы, горбатые спины, сплюснутые или, наоборот, распухшие головы... серапцы, но не те, что похитили Смолика, – здесь были только мужчины. Должно быть, раньше они прятались в облаках, а теперь вынырнули вокруг путешественников и напали на них.

Но Арлею они упустили. На боцмана и юнгу разом набросилось сразу по несколько дикарей, а за девушку взялись всего двое, и они не ожидали отпора. Впрочем, позже она призналась сама себе, что отпор этот был вызван не решимостью и смелостью, но страхом.

Изо всех сил лягнув одного пяткой в живот, Арлея встала на колени, рванула с ремня пистолет — и лишь спустя мгновение поняла, что это нож. Вернее, ей все еще казалось, что она сжимает пистолет, хотя глаза уже видели заточенное лезвие, и в сознании два образа слились, словно пальцы обхватили какое-то необычное оружие: узкий клинок с тонким кровосток и ствол как бы наложились друг на друга, соединились в одно целое. Плохо осознавая, что делает, все еще судорожно вдавливая указательным пальцем несуществующий курок, девушка подалась вперед и ткнула оружием перед собой.

Впервые она нанесла кому-то ножевое ранение. Глубокое, возможно, смертельное. Мгновение рука ощущала сопротивление, а после, прорезав кожу, нож мягко вошел в живот на две трети клинка, будто провалился в смуглое брюхо серапца.

Брызнула кровь, капли попали на пальцы и запястье. Ахнув, девушка выпустила оружие, опрокинулась спиной в пух, едва успев вдохнуть, провернулась вокруг оси и поплыла.

Ей повезло. Вокруг были серапцы, множество ступней упиралось в дно облакоема, множество ног, будто решетка с

толстыми редкими прутьями, преграждало путь, но девушка — не зная, куда плывет, видя перед собой лишь погруженный в живую плоть клинок, — проскользнула между ними, не задев никого. Она плыла долго, а затем глубина стала небольшой, да и воздуха в груди уже не хватало, и Арлея вынырнула.

Вновь поднявшись на колени, она несколько раз вдохнула и выдохнула, хрипя и отплеываясь. Ошметки пуха полетали изо рта. Сзади доносился приглушенный шум; косые лучи светила отражались от облаков, слепили глаза. Дул ветер, было прохладно. На берегу озера высился поросший желто-розовой травой земляной горб. Оттолкнувшись ладонями от мягкого дна, Арлея встала, но не выпрямилась во весь рост, пригнулась, чтобы не привлекать внимания. Упав на четвереньки, преодолела горб и, оказавшись возле склона с облакопадом, выглянула. Желейная гора была теперь далеко, эфирный поток шумел почти над головой. На другом берегу виднелся еще один поросший травой холмик, дикари волокли к нему три тела, раненого серапца и моряков. Пленный-здоровяк вдруг задергался, замотал головой, и тут же подскочивший дикарь ударил его по макушке чем-то, напоминающим кость крупного животного.

Арлея лежала, все еще тяжело дыша, ощущая влажный привкус эфирного пуха во рту, наблюдала за происходящим. Серапцы быстро приближались к противоположному берегу озера, на облаках позади них расплывался красный след.

Заметив это, девушка перевела взгляд на свою руку. Увидела кровь, мелкие темные брызги, усеявшие запястье, тыльную сторону ладони, пальцы. И поняла: только что она убила человека. В голове зазвенело, все вокруг поплыло, мир закружился – быстрее, быстрее – и она растянулась на склоне, уткнувшись лицом в траву.

Она ударила себя ладонью по щеке: сначала по левой, потом по правой. Каждый раз голова дергалась, внутри словно колокол бил, на глазах выступали слезы. Должно быть, щеки теперь стали красными, как у зардевшейся от первого поцелуя девицы, но, по крайней мере, она уже почти не ощущала болезненной слабости, наполненный ярким светом мир перестал плыть и раскачиваться, звон в голове стих. *Почти* стих – и Арлея для порядка еще сильно ущипнула себя за кисть, ту самую, на которой осталась кровь.

Отсюда она хорошо видела дикарей, расположившихся на другой стороне озера. Вокруг железной горы по-прежнему плескался желто-рыжий свет, медузоиды и кальмары все так же пролетали и проползали там, занимаясь своими непостижимыми делами, – кажется, произошедшего на озере никто из них не заметил.

Слабость прошла, ее сменили стыд и презрение к себе. Ведь дикари сейчас убьют их! Пусть котомка осталась в облаках, но на ремне висят пистолеты, длинный кинжал, обрез, мешочки с боеприпасами... Достань оружие, заряди, возьми в каждую руку по пистолету, кинжал сожми зубами –

и... Что бы сейчас сделал Тео Смолик? Набросился на дикарей, ворвался в толпу, тем более что она не такая уж и большая, пользуясь неожиданностью, перестрелял бы половину и заколол кинжалом еще парочку, освободил пленников... да еще бы и ухмылялся при этом, веселился, горланил бы какую-нибудь идиотскую пиратскую песню!

Встав на колени, она положила руки на оружие... и опустила. Нет. Она не сможет. Она плохо стреляет и еще хуже умеет орудовать кинжалом. Она не настолько быстрая, не такая уж ловкая: споткнется, потеряет равновесие, растянется во весь рост на глазах у изумленных серапцев, выпустив пистолеты... Что тогда они сделают с ней?

А что сейчас они делают там?

Девушка прищурилась, вглядываясь. Кажется, дикари раздевали пленников. Те были еще живы – вроде бы она разглядела, как лежащий лицом вниз боцман пошевелился. Серапцев примерно полтора десятка... Не выйдет, не получится справиться с ними! Ведь она всего-навсего женщина, и она боится. Она не может бороться с естеством! О чем тогда шел разговор с торговцами, Долки Зеленцем, Этти Слампом и Атонгой, когда они собрались купить торговый дом? Что она пыталась доказать после Тео Смолику? Что, в конце концов, доказывала самой себе – и всем морякам из команды, и Лигу с Эрлангой?

Сильно хлопнув ладонью по земле, она сморщилась, чуть не плача, представляя, как выглядела все это время, как,

должно быть, ее воспринимал капитан, да и все моряки: девица, молодая и вздорная, заполучившая вдруг наследство папаша, решившая, что может наравне со всеми, наравне с мужчинами переносить тяготы путешествия, может стрелять и драться, и командовать... Но она не такая! Женщины не такие, природа предназначила их для другого, их тела и мозги... Все еще стоя на коленях, она положила ладони на свою не слишком большую, но рельефно выступающую под рубашкой грудь. У мужчин мускулы, а у нее вот что. И еще другое, пониже... Так зачем она лезет туда, где нужно то, что есть у них, но нет у нее? Ей надо другое! Найти какого-нибудь мужчину, женить на себе – ведь она богата, желающие найдутся, можно выбрать самого подходящего – родить ему детей и жить счастливо! Зачем лезть...

Она упала плашмя, увидев, как серапцы подняли пленников над головами. Обувь с рубашками дикари забрали, оставив морякам лишь штаны. Оба были крепко связаны. Обращенные лицами к небу, они оставались неподвижными, хотя Арлея все же надеялась, что юнга и боцман еще живы.

Серапцы разделились на три группы. Одна осталась за холмом, две, подхватив пленников – Лига несли четверо, а Эрлангу шестеро, – быстро направились вдоль берега. Вооружение их составляли в основном дубинки да кривые копья, хотя некоторые держали ножи и другое отобранное у моряков оружие. Все дикари были уродливыми, все являли собой пародию на человеческий облик. Арлея наблюдала за

ними, недоумевая, что они собираются сделать. Девушку пока не заметил никто.

Две группы обошли озеро и остановились там, где желтый свет густел. Если бы серапцы сделали еще примерно три десятка шагов, то добрались бы до железного склона, но они опустили пленников на траву лицами кверху и стали возвращаться.

Незаметно для них подобраться к морякам Арлея не могла и поэтому оставалась на месте, кусая губы и мучаясь от бессилия. Дикари вернулись, кто-то сел на корточки, кто-то улегся под холмом. Трое, выставив головы над вершиной, неотрывно глядели в сторону горы. Среди серапцев выделялся один, с огромными ногами, напоминающими узловатые изломанные коряги – понять, где у него колени, было невозможно. Крохотная голова размером чуть больше кулака болталась на тонкой шее из стороны в сторону. Предводитель серапцев – а девушка уже решила, что это он и есть – держал старинное ружье, одно из тех, что когда-то в обход принятого белыми людьми закона завезли на Суладар чернокожие имаджины. В другой руке был пистолет Эрланги.

Тем временем из железной горы вылетел медузоид с вросшим в спину кальмаром, приблизился к связанным и повис над ними, шевеля щупальцами. Серапцы, Арлея, пленники – все замерли. Девушка очень хорошо представила себе, какое, должно быть, омерзение испытывает сейчас юнга, и стыд вновь окатил ее, как ледяная вода из ведра. Она не

может спасти своих людей, а ведь они поверили, пошли за нею... она – трус и ничего не умеет, кроме как кричать на слуг, сидя за столом отца!

Потом медузоид вернулся обратно, и долгое время ничего не происходило. Стало чуть прохладнее, светило в небе начало бледнеть. Чужой мир жил своей жизнью, там пролетали темные силуэты, проносились или медленно проползали какие-то тени, выступали из мутной желтизны и пропадали в ней странные фигуры, и посреди всего этого высился ствол-исполин с могучими ветвями. Теперь-то Арлея хорошо разглядела, что за округлые разновеликие тела показываются возле некоторых из них: те же медузоиды, но увеличившиеся в несколько раз. Форма их также отличалась: длинные, брюхо более округлое, словно раздуто кишечными газами, а спина, наоборот, плоская. На ней было что-то вроде хитина или рогового панциря, как у черепахи, но не выпуклое и с вертикальным наростом по краю, напоминающим палубное ограждение. Щупальца под брюхом не свисали к земле, но крепко обхватывали, перекрещиваясь, брюха страшил, напоминая канаты, сжавшие куль эфиروплана. Одно щупальце, самое длинное, торчало из морды – с его помощью большие медузоиды держались за ветви.

Что-то мелькнуло внизу, и Арлея отвлеклась от созерцания дерева. В желтой стене проявились три силуэта. Они становились все четче, и вскоре к пленникам вылетели существа. Пара медузоидов обычного размера, сращенные с

кальмарами, тащили за собой третьего, большого... девушка с удивлением поняла, что там произошла обратная метаморфоза: кальмар впитал в себя медузоида, да еще и распух так, что размером стал крупнее человека. Он парил в воздухе, но, судя по всему, управлять полетом не мог, так что подручным приходилось волоочь его за собой. Щупальца великана, короткие и толстые, напоминающие пальцы, были разноцветными: зелеными, желтыми, синими. Они вяло шевелились под брюхом-пузырем, раздутым так, что сквозь истончившуюся кожу просвечивали внутренности.

Троица приблизилась к пленникам, и Арлея приподнялась, когда поняла, что кальмар впитал в себя не только медузоида. В передней части было мужское лицо, слишком маленькое для большой уродливой головы – как если бы на лбу или щеке человека проступили черты личика размером с кулак. Девушка изумленно вглядывалась. Нет, это не игра света и тени на лоснящихся складках, там и вправду лицо мужчины... Страшилище включило в себя человеческую плоть, будто наполовину переварило ее, но не растворило до конца, а смешало с собой, наделило чужое тело новыми особенностями и, возможно, само приобрело какие-то из чужих умений... А мозг? – вспомнила Арлея. Это существо подключилось лишь к чужой печени и почкам, оно использует чужое сердце как дополнительный мотор – или человеческий мозг его тоже интересует? Ведь используют, по слухам, на востоке мозги серапионов, то есть гношиль, не только как наркотик...

Лицо было неподвижно, лишено всякого выражения. Глаза безмятежно глядели вперед. Находящийся внутри, должно быть, не осознавал своего положения, пребывая в полузабытии, иначе все это было бы еще ужаснее.

Кальмар-монстр грузно покачивался в воздухе, малые наездники тянули его за щупальца, напоминая пару коршней-буксиров, которые тащат лишенный паруса неповоротливый торговый клиргон. Они подвели кальмара к пленникам, и тот накрепился, рассматривая их.

Да он же собирается *впитать* их, как того беднягу! – ужаснулась Арлея, и тут серапцы выскочили из-за холма.

Они ожидали появления именно этого большого кальмара, поглотителя, как Арлея про себя назвала чудовище. Это была засада – возможно, испорченные ядом рассудки и тела серапцев не подходили кальмарам, для них годились только обычные люди, которые пусть и очень редко, но все же иногда попадали на Проклятый остров, – и вот таких-то людей доставляли к железной горе серапихи с раскрашенными лицами. Что, если среди племен серапцев были те, кто смог как-то столковаться с обитателями мягкого мира, и те, кто с ними враждовал...

Дикари метнули копья. Большинство не долетело до цели или пронеслось мимо, но пара воткнулась в раздутое тело. Малые наездники сразу развернулись и полетели назад, пытаясь спасти поглотителя, поднялись выше. Предводитель серапцев подпрыгнул, с силой оттолкнувшись от земли ко-

рявыми ногами, и упал на спину большого кальмара, где тут же, усевшись верхом, принялся колотить прикладом ружья, будто дубинкой, по мягкой покато́й спине.

Через мгновение Арлея уже бежала, позабыв про страх, про все свои переживания: в этой суматохе пленников за просто могли убить. Со склона холма она с разбегу влетела в озеро, подняв вал пуха, помчалась вперед, то и дело нагибаясь, пронирая под натянутыми лианами, а когда до берега, над которым клубился желтый свет, оставалось несколько шагов, споткнулась, сильно ударившись носком о камень, и упала.

И сообразила, опустившись с головой в облака, пытаюсь встать, что это то самое место, где на них напали дикари.

Скоро она стояла на коленях, на плече висела котомка, а в руках была заряженная камнем пушка. Прижимая ее к животу одной рукой, Арлея второй рванула шнурок котомки и сунула пальцы внутрь, лихорадочно перебирая содержимое.

Впереди началась нешуточная драка. Из желтого пространства выплывали новые кальмары, серапцы прыгали, отмахиваясь от вьющейся вокруг стаи прозрачных червяков и жучков. Поглотителя волочил обратно к горе один из наездников – второй был мертв, отрезанные и оторванные части его тела валялись на земле. На большом кальмаре все еще сидел предводитель дикарей и колотил чудовище прикладом.

Справа донесся шум; не прекращая рыться в котомке, Арлея оглянулась. Из-за озера с той стороны, где раньше прятался

лись серапцы, бежали женщины. Но не те, что утащили Смолика. У тех лица были раскрашены, у этих не было вовсе. Собственно, голов тоже не было: прямо на плечах сидели медузоиды. Они «надели» себя на черепа, как облачный кальмар может натянуть свое тело на большой донный голыш.

Женщины приближались, шевеля свисающими на грудь щупальцами. Они были уже близко, когда пальцы Арлеи нащупали огниво.

В горлянку набился пух, но девушка надеялась, что он не успел повредить механизм... тем более что, судя по всему, никакого особого механизма там и не было.

Она оказалась права.

Направив ствол в сторону серапцев, которые, заметив медузоголовых женщин, как раз рванулись прочь, она выстрелила.

Ее толкнуло с такой силой, что Арлея повалилась на спину, задрав ноги к небу. Облака плеснулись, мир стал белым, пушистым и клочущим.

Она чуть было не захлебнулась эфиром, потому что не успела набрать в грудь воздуха. Но здесь было неглубоко, и Арлея смогла, упершись локтями в дно, сначала приподнять над облаками лицо, а после сесть.

Световое желе содрогалось, словно гора была живым существом. Ядро расшвыряло серапцев, зацепив надутое брюхо поглотителя, влетело внутрь мягкого мира. Теперь там происходило что-то необычное: вся гора шевелилась, пока-

чивалась, по поверхности прокатывались волны, клубился бледный туманный свет, в глубине мельтешили, сновали туда-сюда тени.

Арлея оглянулась на медузоголовых. Все были вооружены, ей показалось, что в руках у них такие же засушенные хитиновые мечи, как у убитого Эрлангой кальмара.

Бросив пушку, она вскочила и побежала к пленникам, вокруг которых образовалось пустое пространство. От берега озера в глубь железной горы текла небольшая облачная речушка. Туманный свет стал гуще, воздух наполнили рыжие пылинки и мелкие световые хлопья. На земле лежало несколько дикарей: двое задушены щупальцами кальмаров, еще трое со множеством мелких ран. Один из них содрогался, шевеля руками и ногами. Пока Арлея разрезала путы на руках Эрланги, грудь серапца провалилась, и наружу вылетел один из тех полупрозрачных плоских червей с плавниками, которых они видели над озером. Ощувив тошноту, девушка поспешно отвернулась.

Силуэты серапцев уже едва виднелись в тумане, они одновременно убегали от медузоголовых – которые приближались – и преследовали поглотителя. Эрланга, чей рот был стянут полоской грязной ткани, мычал и вращал глазами. Когда Арлея наконец перепилила веревку, он резко сел, рывком стянул повязку с головы, чуть не оторвав себе уши. За это время девушка успела освободить его ноги, испытывая некоторое смущение, так как, помимо оружия, дикари успе-

ли лишить пленных и большей части одежды. Юнга неуверенно встал, чуть пошатываясь, а она повернулась к боцману, перекатив его на живот, полоснула ножом по веревкам на запястьях – и тут что-то дернуло ее сзади.

Сунув нож в освободившиеся руки Лига, она повернулась. Эрланга сжимал пару шашек из горючего песка. А ведь они все это время были там, на «поясе путешественника»! – вдруг сообразила Арлея. Чтобы не мешали в пути, девушка повесила их на нескольких крючках за спиной... и позабыла про них! Тогда, за холмом на берегу, она могла воспользоваться взрывчаткой, швырнуть в дикарей... хотя нет – ведь там были и пленные... Но это вначале, а позже, когда их отнесли ближе к горе...

– Погоди! – заорала она, но было поздно.

Оказывается, в кармане штанов Эрланги лежало огниво, и теперь юнга достал его.

Щелчок, треск – торчащий из шашки короткий фитиль загорелся, пустив облако темного дыма.

Повернувшись к медузоголовым, здоровяк швырнул шашку. Арлея не успела упасть, как он снова щелкнул. Вторая шашка канула в желтом тумане.

Первая взорвалась.

Что-то небольшое полетело в Арлею, она машинально выбросила перед собой руки и поймала предмет.

За ее спиной рванула вторая шашка.

Арлея увидела, что держит оторванную взрывом голову:

обрубок шеи, а дальше – тело мертвого медузоида с ворохом свисающих щупальцев. Они шевелились, пытались обвить ее запястье.

Мир качнулся, и она упала, потеряв сознание.

## Глава 6

Тага, старший из трех братьев-пиратов, понимал, что дела банды идут не слишком успешно с тех самых пор, как изгнали Красного Платка. Самое плохое, что недавно они упустили клиргон купцов: наблюдатель в гнезде на мачте оказался глазастым и заметил лодочки пиратов издалека, а эфироплан, как выяснилось, был на удивление быстроходен для неповоротливого торговца. Тага подозревал, что капитан понял, откуда взялись пираты, сообразил, что они приплыли с этих островов. Владетели Плотов – не какие-нибудь там трусливые торгошники с архипелага, они жестоки и мстительны даже в большей степени, чем знаменитые своей безжалостностью имаджины, содержатели гладиаторских арен. Теперь пират каждый день со страхом ожидал появления нескольких купеческих шержней, ну а если Плоты пришлют еще и глинокор с командой в полторы сотни моряков и сотней пушек на борту...

«Пора валить с Кораллов» – так он и сказал младшим братьям с оставшимися пиратами. Да вот только плыть было не на чем: маленькие джиги не предназначены для длительного путешествия через Коралловый океан.

Если бы ими по-прежнему командовал Красный Платок, подобного бы не случилось. Новый атаман был вынужден, скрепя сердце, признаться в этом перед самим собой. Пла-

ток был юнцом, вроде и не слишком умным, но какое-то звериное чутье помогало ему избегать неприятностей. А Тага – никудышный главарь банды.

Утро выдалось прохладным; небо затянула дымка, облака вокруг рифов плескались больше обычного. Сидящий у хижины-развалюхи пират не знал слова «атмосфера» и не смог бы выразить словами свои чувства, но он хорошо ощущал нечто странное, необычное и тревожное, что повисло в воздухе. Он съел половину кокоса и встал, намереваясь по коралловым аркам добраться до крайнего островка, чтобы сменить Атака, одного из трех дозорных. Недавно Тага велел караулить сутки напролет, выглядывать, не появились ли в облаках военные эфиропланы купцов.

Пират повернулся – и вскрикнул. Вытаскивая из-за пояса ржавый тесак, попятился, споткнулся и с размаху сел задом на камни.

К острову, на котором он жил, центральному во всей группе Кораллов, что-то подлетело. Возникший в небе силуэт опустился ниже, и Тага узнал облачного демона. Их тела иногда выносил к рифам эфирный прибой... но этот был живым!

И куда больших размеров.

И с человеком на спине.

Которым оказался Красный Платок. В щупальцах под полосатым брюхом твари висел Атак и еще один пират по имени Шорта. Конечности демона обхватили их под мышки, сжали руки, ноги и рты. Глаза обоих были выпучены, зрачки

вращались – они не умерли, по какой-то причине тварь не убила их, лишь захватила в плен...

– Ты... – начал Тага и замолчал.

Демон опустился совсем низко, и теперь он хорошо видел бывшего главаря, сидящего верхом на вытянутом теле, как на лошади. Ноги пиратов коснулись острова. Стало видно, что заднее щупальце сжимает сетку с небольшим сундуком. Тага сидел, пялясь на все это, ветер дул ему в лицо, развевал длинные грязные волосы. За краем островка бежали мелкие облачные волны.

Пленники задержались, пытаясь вырваться. Красный Платок положил свое диковинное оружие на спину демона, вставил запястье правой руки в мягкую складку, поворочался, двигая плечами, – и щупальца отпустили пиратов, которые, хрипя от ужаса, бросились прочь. Тага, уже немного пришедший в себя, ухватил Атака за штанину и рывкнул:

– Стоять, оба!

Привстал, крепко сжимая рукоять тесака, но понимая, что вряд ли тот поможет справиться со страшилищем. Тем временем демон опустился брюхом на землю, распластав щупальца вокруг тела. Из боков его торчали два полукруглых кожаных выроста, покрытые мелкими бледно-зелеными ворсинками. Они едва заметно светились.

Красный Платок сидел с выпрямленной спиной, разглядывая Тага. А тот смотрел на бывшего предводителя, и оба молчали. Атак и Шорта, спрятавшись за хижинкой, выгляды-

вали оттуда. Наконец пират спросил, облизнув пересохшие губы:

– Платок, ты... – Он надолго замолк, потом выдавил неуверенно: – Чем ты его кормишь?

– Ничем, – откликнулся Гана. – Он сам... по-моему, он свет ест.

– Свет? – не поверил Тага.

– Да. Этим, – бывший предводитель показал на один из кожаных полукругов с ворсом, – пьет его, ну или выпитывает.

Они вновь замолчали. Тага, неотрывно глядевший на оружие, которое Гана вновь сжимал в правой руке, спросил:

– Убьешь нас?

– Как здесь дела? – вместо ответа спросил Красный Платок.

– Ой, плохо, командир... – Это произнес Атак, отважившийся наконец выступить из-за хижины и приблизиться к ним. – Купцов ждем.

– Купцов? Почему?

– Упустили клиргон их, – пояснил Тага нехотя. – А они могли скумекать, откуда мы наскочили... Ну вот, теперь думаем, скоро появятся.

Атак остановился рядом с братом, вскоре к ним короткими шажками приблизился Шорта.

– Командир, ты где это взял? – заискивающе спросил он, тыча пальцем в демона.

Гана неопределенно махнул рукой за спину:

– Между Кораллами и Суладаром рифы есть, там нашел. Видишь, управлять им научился...

– Так он живой, да?

– Наверде того. Хотя не совсем. Такой... ну как джига, только с мозгами.

– Джига с мозгами? – изумился Атак.

– Ага. Такая, что сама ничего не соображает, а только приказы выполняет, если скажешь... Только этому не говорить надо, а нажимать, крутить – там вроде бородавок, в складках этих. Еще...

– А вон у него! – поразился Шорта, заприметив позади Ганы изогнутую трубу. Когда демон опустился на землю, сильный дымок из нее идти перестал. – Чтоб я сдох! Тага, ты гля! Труба в ей, в этой... в зверюке этой, из зада торчит! Во дела! Как же так? Ты гришь – живая, а у ей труба...

Тулага ответил:

– Пауног он называется. Как-то в нем железо с мясом соединили. Ну, это не железо, конечно, а такое... Не знаю, как назвать. Видишь, еще полоски эти? Вроде как тело скрепляют. А что внутри – тоже не знаю.

– Но там этот... двигатель паровой? – продолжал выпрашивать пытливый Шорта. – Или сердце? А грудина, то бишь эти... легкие имеются у нее? У него? Или трюм там? Тага, ты гляди, гляди, какое оно всё! А вот ежели...

– Не знаю, – повторил Красный Платок, – я внутрь не заглядывал. Шорта, заткнись теперь. Слушайте. Купцы наняли

Влада Пиранию, слышали про такого? Его корабли отбросили гаераков назад к Аркам, и сейчас купцы станут опять через Коралловый океан свободно плавать. То есть уже плавают, просто им раньше не до вас было. Но теперь – все, конец вам, больше не дадут тут промышлять. Ясно?

– Это мы поняли уже, – ответил за всех Тага.

– Раз так, то я вам другое предлагаю: в рифах, где я этого паунога нашел, стоит ладья. Хорошая ладья, дорогая, быстрая. Там один человек дожидается, он поможет с парусами освоиться, расскажет, что к чему. Что вы хотите – здесь остаться или на той ладье уплыть?

– Уплыть! – выкрикнул Шорта, пока остальные двое еще не успели и рта раскрыть. – Уплыть хотим! Ты не гляди, что мы тут втроем, там еще много нас, мы если совет устроим – все согласятся, что надо валить отседа. А куда плывем-то, командир?

– Нет, не командир. Он, – Красный Платок указал на Тага, – ваш командир, а я к вам не вернусь, у меня теперь другие дела. Но ладья та – моя. Я ее захватил вчера, команду убил, всех. Потому по закону нашему она моя, и если вы ладью мою берете, значит, сделаете, что скажу, так? Сделаете, спрашиваю?

– Ага, – подтвердил Тага, переглянувшись с Атаком.

– Ладно, значит, поплывете к Маумау. Человек, что на ладье ждет, покажет дорогу. Сделаете его боцманом своим. На том острове синекожие живут, дикари. Это племя гварилок.

С ними не драться. Скажете: вождь их старый, Опаки, жив еще. Монарх, Большая Рыба, его похитил и рабом сделал, на свой прииск отправил. И Опаки повелевает отомстить, а иначе будет призраком к ним в хижины по ночам являться. Напасть на Атуй, дворец сжечь. Они уже пробовали, когда на монаршем острове Пулеха, их наместника, убили. Тогда не получилось, но теперь вы с ними будете. Так поступите: поплывете вместе, они на лодках своих, вы на ладье. Это — ладья монарха, вас к причалам подпустят, решат, он возвращается. Из пушек начнете палить по ним, по причалам и кораблям, что там стоят. Все туда сбегутся, тем временем гварилки с другой стороны высадятся и нападут. У монарха во дворце сокровища всякие, поделите их. Но все быстро делать надо, чтоб с Да Морана не успели военные моряки приплыть. Как на Атуе закончите — даете деру к Таитам. Сквозь Цепь вас тхайцы пропустят, ежели на борту рабов не будет. И все, вы отныне преторианские разбойники, свободные люди, да еще и со своим кораблем, и никто вам не указ. Но не вздумайте обмануть меня! Если на ладье не к Маумау поплывете, а сразу в Преторию, на этой твари догоню вас посреди океана и всех перебую. Ясно тебе, Тага? Все понял?

\* \* \*

Арлее показалось, что она пришла в себя почти сразу, но быстро выяснилось, что какое-то время все же прошло: во-

первых, теперь они находились внутри железной горы, во-вторых, ее нес на руках Эрланга.

И первое желание, посетившее Арлею, когда она уяснила это, было обхватить здоровяка за могучую шею, прижаться лбом к его плечу, а еще лучше – к груди, поросшей мягкими волосами, закрыть глаза и постараться вообще не думать о происходящем вокруг. Ведь хорошо известно, что если лежать с зажмуренными глазами под одеялом и не шевелиться, то неприятности пройдут сами собой – ну а мощный торс, широкая грудь и крепкие руки Эрланги представлялись удачной заменой одеялу.

Хоть и с большим трудом, но Арлея подавила в себе это желание.

– Отпусти, – велела она и соскользнула на землю.

Почва была пропитана желтым светом, как эфирный пух – влагой. Топнув ногой, Арлея с тревогой оглянулась.

– Не останавливайтесь, идем быстрее!

Пояс путешественника все еще был на ней, и девушка достала пистолет.

– В порядке вы, ваш’милость? – спросил идущий слева Лиг.

– Ага. Почти. Глубоко мы зашли? А серапцы где?

– Подевались куда-то. Заплутали, должно быть, в этом... в этой каше.

Путники шли будто сквозь облачный пух, но пожелтевший и не лежащий слоями, а распыленный в воздухе. Ды-

шать он не мешал, хотя поле зрения значительно уменьшилось. Вокруг что-то летало, сновали из стороны в сторону полупрозрачные рыбки, плоские черви и существа, напоминающие крошечных медуз. Небо исчезло из виду, светило было похоже на блеклый косматый шар, парящий в рыжей дымке. Облачное озеро, склон и холмы тоже исчезли, а текущая от облакоема речушка едва виднелась в световой взвеси. Растопылив пальцы, девушка медленно провела рукой перед собой. То, что снаружи выглядело как желе, внутри напоминало скорее мягкую светящуюся жидкость или какой-то газ. Оно оказывало сопротивление, но очень слабое, почти не мешало движению.

– Чем дальше, тем оно плотнее становится, ваш'милость, – заметил Лиг. – Поначалу вообще не чувствовали его, теперь от... – Он повторил жест Арлеи. – Теперь как вода, токмо легкая такая. А дальше, думаю, еще глуше станет. – Боцман показал туда, где виднелось темное ядро железной горы, то самое место, из которого росло исполинское дерево.

Впереди высоко над землей пролетел большой медузоид.

– Не нападали они на нас? – спросила девушка.

– Не-а, – подал голос Эрланга. – Мимо шастают, а нас не видят. Я хотел одного, который близко... – Он замолчал.

– Хотел порезать одного, – пояснил Лиг. – Каракатица эта, с кальмаром сросшаяся, пролетала мимо, да низко так. Он хотел наброситься – чтоб я вас на руки взял, ваш'милость, а он, значит... но я не дал.

– И правильно сделал, – одобрила она. – Видите, они драться начинают, когда на них нападают, а так... они будто неживые.

– Как же это неживые? – удивился юнга.

– Ну, вроде... В общем, пока не тронешь – они нас не замечают, а нападают только в ответ, если зацепить их. Ну, как бы тебе... Вроде ружье на столе лежит заряженное: пока не трогаешь его, оно лежит себе – и все, а вот если за курок потянуть, или, допустим, зацепить его так, чтобы оно со стола упало и об пол сильно ударилось, то вот тогда оно может выстрелить в тебя или в того, кто рядом. А еще мне кажется, что эти... эти медузоиды – их домашние животные, – неожиданно для самой себя заключила она.

– Чаво? – еще больше удивился юнга.

Арлея смущенно почесала лоб.

– Кальмары – хозяева, а груши эти летающие со щупальцами – те как собаки или свиньи у них, или лошади какие.

– Да они ж того, – здоровяк, зажав пистолет под мышкой, свел вместе ладони, – срастаются они.

– Ага. Представь, как если бы человек с лошадью слипся, в спину ей врос, получилась бы человеколошадь. Ну или собакочеловек, или еще... А это что такое?

Сбоку возник большой цилиндр. Состоял он из такого же света, что и окружающая среда, но более густого, сжатого какой-то силой. «Будто мы идем сквозь молоко, – подумала Арлея, – а здесь его кто-то сбил в масло и слепил из него

широкий столб...»

– Гля, что это там внутри! – поразился Эрланга. – Они его... они ж его на части разбирают!

– Не, наоборот, собирают, – возразил Лиг.

Троица остановилась, разглядывая происходящее в цилиндре. Словно мастерская какая-то, решила Арлея. Сухой док, где эфиропланы строят. Только вместо корабля – медузоид, а вместо рабочих, плотников и столяров – щупальца.

Они шли от внутренней поверхности цилиндра – длинные кольчатые тела, сужающиеся к концам, с присосками. Если цилиндр был плотнее окружающей субстанции, то щупальца, также состоящие из сгущенного света, – еще плотнее. В центре висело без движения тело медузоида, разрезанное вдоль. Арлея видела внутренности: какие-то трубки и шары, нечто вроде половинки хитинового рычага, прикрепленного к тонкому ребру, лиловый пузырь, должно быть, полный летучего газа, который и поддерживал существо в воздухе...

Одно из щупалец протянулось к медузоиду, тонкий конец проник внутрь, повернул трубу, имевшую на конце утолщение, и насадил на нее другую, в форме спирали. Второе щупальце поправило пузырь, впихнув его между парой изогнутых то ли ребер, то ли рычагов, потом еще два кольчатых отростка, появившиеся с противоположной стороны цилиндра, сдвинули половины тела так, что края сошлись.

– Я думал, они растут, – произнес Лиг. – Из детенышей, ну как все... А их, выходит, собирают... как корабль? Сшивают?

Или...

– Нет, это ремонт, а не сборка, по-моему, – возразила девушка. – Гляди, вон еще...

Щупальца тем временем покрыли щель между половинами медузоида чем-то прозрачным и пузырящимся – вспенившись, оно тут же застыло, склеив кожу. Тварь вздрогнула, будто пробуждаясь, конечности затрепетали, и она поплыла к стене цилиндра. С другой стороны из глубины желеино-го пространства уже появилась другая, меньших размеров, с почти оторванным щупальцем и глубокой раной на боку. Перед цилиндром существо помедлило, а после всплыло внутрь сквозь стену и тут же застыло. Кольчатые отростки изогнулись и подхватили его, вытянув на середину цилиндра, принялись обрабатывать рану.

– Это, может, один из тех, кого серапцы ранили. – Арлея оглянулась, вспомнив о недавнем сражении.

И увидела с десятков человеческих силуэтов, приближающихся сзади.

– Они все-таки за нами гонятся! – Схватив Эрлангу за руку, девушка поволокла его в обход цилиндра-мастерской. – Лиг, не отставай!

Омываемые волнами густой желтизны, они шли в глубь мягкого мира. Бежать стало невозможно, чем дальше, тем с бо€льшим трудом давался каждый шаг. Арлея позабыла про недавний испуг, позабыла про стыд: слишком необычным было все вокруг. Ко всему прочему, теперь землю сме-

нило какое-то странное вещество, очень напоминающее алмаз, – та основа, из которой и выросла железная гора.

– Я вот еще думаю, – обратилась она к боцману, когда преследовательницы немного отстали. – Медузоиды, наверное, на два вида делятся. Не знаю, как они рождаются, может, из этих мелких жуков прозрачных? В общем, одни после рождения так и остаются... ну, только из мяса, то есть животными. А других потом в цилиндре – или, может, их тут несколько – разрезают напополам и вставляют им внутрь скелет такой... как бы механический. Ну как в человека можно железо вставить, штырь вместо кости, если она сломается, или еще что – короче, в машины их превращают. Те, что мягкими остаются, могут с кальмарами срастаться, вернее, кальмары с ними срастаются, а те, что со скелетом, – они как механизмы, отдельно.

– Я как-то одного тхайца знал, так у него механическая нога была, – вставил боцман. – Не протез какой железный, а вся нога – рычаг в ей, шестерня, моторчик, клапаны... Он говорил, ему в Бултагари сделали и прямо в его тело вставили, вот... Глядите, кошка зеленая!

В бледно-рыжей каше росло несколько деревьев, и под одним лежала большая кошка. Котята тоже были здесь, свернулись клубками возле ее бока и спали. Когда путники подошли ближе, зверь поднял голову, уставился на них желтыми глазами. Потом зевнул, показав пасть, полную острых зубов.

Вскоре сзади вновь показались медузоголовые – и больше

уже не отставали, наоборот, постепенно приближались. Идти было все сложнее, вязкий свет стал почти коричневым, дышалось тяжело. Несколько раз путники проходили мимо деревьев, чьи ветки на концах становились прозрачными и расходились во все стороны сеткой желейных нитей, жилками, которые в конце концов не то срастались с окружающим пространством, не то растворялись в нем, соединяя мягкую гору с растениями, как кровеносные сосуды связывают тело с внутренними органами.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.